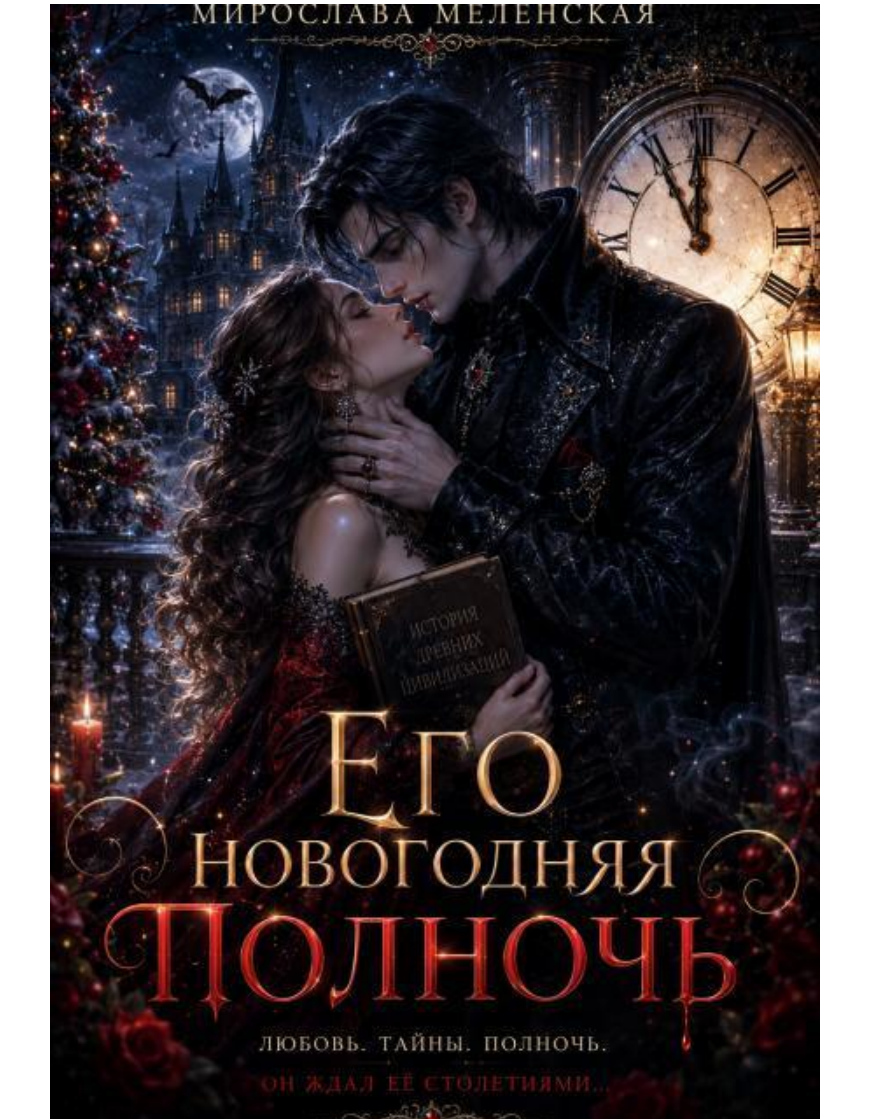

МИРОСЛАВА МЕЛЕНСКАЯ

A romantic couple in a gothic setting at midnight. The man, with dark hair and a black leather jacket, holds the woman, who has long, wavy brown hair and wears a red dress. They are about to kiss. The background features a large clock showing midnight, a full moon, a bat, and a Christmas tree. The woman holds a book titled 'ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ'.

ЕГО НОВОГОДНЯЯ ПОЛНОЧЬ

ЛЮБОВЬ. ТАЙНЫ. ПОЛНОЧЬ.

ОН ЖДАЛ ЕЁ СТОЛЕТИЯМИ...

Мирослава Меленская

Его новогодняя полночь

<https://litres.ru/74214349>

Аннотация

Она замечает мой взгляд. Не отводит глаз. Уголки её губ дрогнули в полуулыбке — не кокетливой, а оценивающей. Она видит не миллиардера. Она видит экземпляр. Возможно, даже подозревает.

Во рту возникает знакомый, медный привкус голода. Но он иной. Не просто жажда. Это щемящее, острое любопытство. К её крови. К её уму. К тому огню, что пылает в её груди.

Я делаю шаг навстречу, и сотни часовых постов моей вечной жизни кричат об опасности. Но я уже заученным, безупречным жестом приглашаю её внутрь.

Пусть начнется эта зимняя сказка. Последняя в моей долгой, долгой жизни. Или первая. Самая настоящая.

♥# загадочный красавец-миллиардер
неунывающая и любознательная героиня

♥# вампирские тайны и загадки
судьба? о, да!

♥# волшебство для взрослых под Новый год

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	18
Глава 4.	26
Глава 5.	36
Глава 6.	45
Глава 7.	53
Глава 8.	61
Глава 9.	67
Глава 10.	76
Глава 11.	84
Глава 12.	92
Глава 13.	101
Глава 14.	111
Глава 15.	116
Глава 16.	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Пролог.

КАЛЕБ

Вечность — это не бесконечная череда дней. Это навязчивый повтор одних и тех же циклов. Зима. Холод. Одиночество, приправленное искусственной праздничной суетой.

Мой новогодний бал — идеальная мимикрия. Сотни свечей отражаются в богемском хрустале, смех гостей гремит под сводами зала семнадцатого века, воздух густ от аромата сосновых гирлянд, воска и человеческого тепла. Я играю свою роль безупречно: гостеприимный хозяин, меценат, загадочный холостяк Калёб Вейн. Я ловлю на себе взгляды, слышу шепоток за спиной. Меня это больше не забавляет. Это рутина.

Я наблюдаю за стайкой гостей у камина и чувствую её, ещё не видя. Новый запах. Резкий, как удар хлыстом по застоявшимся чувствам. Не духи. Не шампанское. Жизнь. Яркая, горячая, звенящая жизнь. И под ней — тончайшая нота чего-то древнего, знакомого до боли.

Я оборачиваюсь.

Она стоит в дверях, стряхивая с капюшона темного пальто искрящийся снег. Не местная. В её позе — не робость приезжей, а любопытство исследователя, сканирующего местность. Каштановые волосы, собранные в небрежный узел, несколько прядей выбились и прилипли ко лбу. Щёки розо-

вы от мороза. И глаза... Боже, её глаза. Они цвета старого коньяка, и в них горит ум. Не праздный интерес богатой туристки, а цепкий, аналитический огонь.

Она фольклористка. Ирэн. Та самая, что добивалась доступа в мою библиотеку под предлогом исследования рождественских обрядов Карпат. Моя администратор предупредила. Я разрешил. Из скуки. Из вечного, глупого желания посмотреть в лицо собственной гибели, даже если это гибель в виде докторской диссертации.

Она замечает мой взгляд. Не отводит глаз. Уголки её губ дрогнули в полуулыбке — не кокетливой, а оценивающей. Она видит не миллиардера. Она видит экземпляр. Возможно, даже подозревает.

Во рту возникает знакомый, медный привкус голода. Но он иной. Не просто жажда. Это щемящее, острое любопытство. К её крови. К её уму. К тому огню, что пылает в её груди.

Я делаю шаг навстречу, и сотни часовых постов моей вечной жизни кричат об опасности. Но я уже заученным, безупречным жестом приглашаю её внутрь.

Пусть начнется эта зимняя сказка. Последняя в моей долгой, долгой жизни. Или первая. Самая настоящая.

Глава 1.

ИРЭН

Сентябрь в Праге — это не романтический туман, а серая, влажная простыня, накинутая на город. Она впитывала звуки, краски и надежды, оставляя после себя только сырое, пронизывающее до костей ощущение застоя. Моя квартир-ка-каморка на Виноградах, с её вечно подтекающими кранами и скрипучими половицами, окончательно утратила грань между жилым пространством и архивным складом. Книги о вампирических культах и средневековых суевериях Карпат вытеснили с полок некогда любимую художественную литературу; стены украшали не постеры, а схемы генеалогических древ предполагаемых трансильванских родов и карты с отметками «мест предполагаемых упырических кладбищ». Воздух пах пылью, кислой бумагой и моим собственным отчаянием, которое я маскировала литрами крепкого кофе.

Три года диссертации. Три года я копала всё глубже в эту могильную тему, и она начала засасывать меня с головой. Коллеги шутили, что я сама стала похожа на упыря: бледная, не выхожу на свет, питаюсь крохами фактов. Но это была не просто работа. Это была одержимость. Я чувствовала какую-то невидимую нить, которую должна была найти. И эта нить вела всё дальше на восток, в горы, окутанные не только туманом, но и плотной пеленой страха, консервированного

в народной памяти.

Тот вечер выдался особенно тяжёлым. Дождь стучал в стекло монотонным барабанным боем, а я сидела, сгорбившись над фотокопией письма графа Альберта Надашди, написанного в 1743 году. Чернила выцвели до ржаво-коричневого цвета, венгерский готический курсив был настоящей пыткой для глаз. Я уже пятый час билась над одним абзацем, когда смысл, наконец, проступил сквозь паутину древних букв. И меня пронзило, будто ледяной иглой:

«...и посему род Дракулеску, хотя молва и считает его искоренённым огнём и серебром, нашёл, по уверениям знающих людей, прибежище в землях к востоку от Тисы, в горных ущельях, где их вечный покой охраняет сам Князь Тьмы, ибо заключил с ними договор, скреплённый не чернилами, а самой древней кровью. И нет против того договора иной силы, кроме крови, что не ведает страха, но исполнена знаниями до краёв. Сия кровь — ключ и погибель...»

«Кровь, не ведающая страха, но исполненная знаниями». Рука, державшая лупу, задрожала. Это было не просто поэтичное выражение какого-нибудь суеверного аристократа. В контексте остального текста, где холодно перечислялись способы «окончательного умерщвления нежити», эта фраза звучала как... инструкция. Как часть рецепта.

И тогда это случилось. Не умозаключение. Физическая реакция. Глубоко в животе, ниже диафрагмы, что-то ёкнуло — туго, болезненно и сладко одновременно. По спине по-

бежали мурашки, но не от страха. От предвкушения. Сухие листы пергамента словно на миг излучили запах — не пыли и тлена, а медной монеты, влажного камня и... снега. Чистого, горного, не тронутого дыханием цивилизации снега. Я зажмурилась, пытаюсь отогнать галлюцинацию. Когда открыла глаза, взгляд сам упал на экран ноутбука, где среди десятков вкладок была открыта страница благотворительного фонда «Вейн».

Калёб Вейн. Его имя всплывало в моих изысканиях косвенно, как тень. Коллекционер. Затворник. Владелец, возможно, самой полной частной коллекции карпатского фольклора в мире, доступ к которой был строже, чем в ватиканский секретный архив. Его лицо с экрана смотрело на меня с холодной, почти надменной отстранённостью. Тёмные волосы, идеально уложенные, безупречно-резкие черты, будто выточенные из мрамора скульптором, ненавидящим мягкость. Но не они зацепили моё внимание. Это были глаза. Цвета зимнего неба перед бураном. В них не было ни капли тепла, только глубокая, бездонная усталость и интеллект, острый как бритва. И что-то ещё... знакомое. Такое знакомое, что сердце сжалось в груди от абсурдной острой боли.

В его коллекции, согласно полулегально добытому каталогу, числились «Хроники пастора Йозефа» — священника, служившего в тех самых «землях к востоку от Тисы» в конце XVII века.

Именно он, по слухам, вёл подробнейшие записи о мест-

ных верованиях, не осуждая, а фиксируя. Моя Священная чаша Грааля.

Решение созрело мгновенно, сокрушительно, как горная лавина. Мне нужно было попасть в этот замок. Не когда-нибудь. Сейчас. В этом был какой-то иррациональный, животный императив. Я ощутила это физически — как голод, как жажду, как зуд под кожей, который унять можно было только там.

Я набрала номер профессора Эмиля, моего научного руководителя, не глядя на время. Прождала десять гудков.

— Ирэн? Ты в порядке? Уже полночь, — его голос был сонным и встревоженным.

— Профессор, мне нужен доступ в замок Вейна. В Трансильванию. На длительный срок.

В трубке воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием помех.

— Дитя моё, ты переработала, — наконец сказал он мягко. — Он никого не пускает. Разве что... раз в год, под Новый год, устраивает некий светский раут для сливок общества. Но это...

— Тогда мне нужно попасть на этот бал, — перебила я, и мои слова прозвучали твёрдо, чужим, низким голосом.

— Ирэн, опомнись! Ты — блестящая, но нищая аспирантка! Как ты себе это представляешь? Придёшь в своём единственном чёрном платье из масс-маркета и с папкой тезисов под мышкой?

— Нет, — ответила я, и план, кристально ясный и безумный, уже складывался в голове. — Я напишу ему. Не как просительница. Как коллега. Я предложу сделку. Он даёт мне доступ к архиву на Рождество — я провожу для него детальную экспертизу и каталогизацию именно вампирологического раздела. То, что не сможет сделать ни один штатный архивариус без моей специализации. Я сыграю на его коллекционерской гордости. На его... интеллектуальном го-лоде.

Я говорила, а сама смотрела на экран. На эти глаза. И внутренний голос, тихий и настойчивый, шептал: «Он поймёт. Он почувствует. Он такой же голодный, как и ты».

Профессор тяжело вздохнул.

— Это авантюра. Чистой воды. Но... черт возьми, Ирэн, в твоём упрямстве есть что-то заразительное. Пиши. Но готовься к вежливому, железному «нет». Или к полному молчанию.

Мы положили трубки. Я не стала готовиться. Я села и начала писать. Не письмо, а манифест. Я цитировала ему редкие источники, указывала на пробелы в общепринятых каталогах, намекала на связи между документами, которые мог понять только глубоко погружённый в тему человек. Я не льстила, а бросала вызов. И в самом конце, сердце уже кололось как сумасшедшее, я добавила ту самую, рискованную фразу о лабиринте и нити Ариадны. Пусть думает, что это метафора. Я-то уже начинала сомневаться.

Отправив письмо, я почувствовала не облегчение, а пустоту и новое, ещё более острое напряжение. Подошла к окну, прижала лоб к холодному стеклу. Отражение в нём было призрачным: измождённое лицо с горящими в темноте глазами. Я выглядела... одержимой фанатичкой.

Именно в ту ночь мне приснился первый сон. Не о книгах. О нём. Я стояла в бесконечном тёмном зале, и с высокого потолка свисали гирлянды из засушенных красных роз и остролиста. Было холодно. Я шла босиком по ледяному каменному полу, и каждый мой шаг отдавался эхом. Я знала, что он где-то здесь. Не видела, но чувствовала — его внимание, тяжёлое, как бархат, скользило по моей коже. Потом я ощутила прикосновение. Не руки. Сначала это был просто холодок на шее, за левым ухом. Потом он материализовался в пальцы — длинные, изящные, смертельно холодные. Они не сжимали, а лишь слегка обводили контур моей сонной артерии, и от этого прикосновения по всему телу разливалась волна парадоксального, невыносимого жара. Я застонала во сне — не от страха, а от чего-то такого древнего и первозданного, что у этого не было имени. Проснувшись я на рассвете, вся в поту, с дрожью в коленях и с пульсом, стучащим в ушах. И с одним чётким, абсурдным знанием: это было не просто сновидение.

Путь был выбран. Дверь в лабиринт приоткрылась одним нажатием кнопки «Отправить». И теперь мне оставалось только ждать, пока страж этой двери — этот человек с

глазами зимней бури — решит, впускать ли ту добычу, что так настойчиво стучится в его мир.

Глава 2.

КАЛЕБ

Октябрь в Карпатах — время умирания и прощания.

Лес, ещё недавно буйствовавший всеми оттенками меди и золота, теперь стоял обнажённый, чёрный и скрюченный, будто гигантское кладбище скелетов. Воздух, чистый и колючий, нёс предвкушение первого снега — обещание белого савана, который укроет всё, что ещё шевелится, до весны. Я всегда любил эту пору. Она резонировала с моей собственной природой: внешний холод, скрывающий лишь иллюзию покоя, под которым тлеют угли вечной, неизменной сущности.

Мой кабинет в западной башне был единственным местом, куда не доходил запах человеческой жизнедеятельности — воска, пищи, пота. Здесь пахло старым деревом, сухими травами, которыми я перекладывал некоторые фолианты, и холодным камнем. Здесь я был собой. Не Калемом Вейном, эксцентричным филантропом, а просто тем, кто я есть. Существом, наблюдающим за рекой времени с её высокого, негостеприимного берега.

Вечером, после очередной бессмысленной видеоконференции с попечителями фонда (их жадные, сияющие здоровьем лица на экране вызывали лишь легкую тошноту), я листал электронную почту. Бесконечный поток. Просьбы о

деньгах, приглашения на светские тусовки, письма от таких же, как я, коллекционеров, жаждущих обмена или покупки. Всё это было пылью. Шумом.

И среди этого шума — она.

Тема письма была сухой, академичной. Но отправитель... «Ирэн Матес». Имя ударило в висок отголоском давно забытого колокола. Матес. Известная в определённых кругах фамилия. Один из тех родов, что веками жили на стыке миров, храня какие-то обрывочные знания, передавая их шепотом, из поколения в поколение. Считалось, что линия пресеклась. Очевидно, нет.

Я открыл письмо. И забыл о дыхании. Точнее, о его имитации, которая стала для меня привычкой.

Это был не запрос. Это была интеллектуальная дуэль, начатая с первого абзаца. Она не просила — она констатировала пробелы в моей же коллекции, указывала на связи между документами, о которых знал, возможно, только я, да ещё пара мёртвых книжников. Она говорила на моём языке. На языке того, кто столетиями копался в этих текстах, впитывая не только слова, но и скрытый между строк ужас и магию. Её тон был уверенным, почти дерзким, но за этой дерзостью не было пустого чванства. Чувствовался стальнокрепкий, закалённый в одиноких исследованиях ум. Ум, который не удовлетворится поверхностным ответом.

А потом... эта фраза. О лабиринте и нити Ариадны. Мои пальцы произвольно сжали край стола из чёрного дуба, и

под тонким слоем лака дерево слегка затрещало. Она не просто метафоризировала. Она знала. Пусть неосознанно, интуитивно, но щупальца её познаний уже дотянулись до самой сути. До меня.

Я откинулся в кресле, и тень от высокой лампы упала на клавиатуру. В комнате стало тихо настолько, что я слышал, как за окном с ветки сорвалась и упала последняя засохшая листва. Я открыл её досье. Скучные данные университета: блестящие оценки, несколько публикаций, тема диссертации... конечно. «Вампирические культы как отражение коллективной травмы в карпатском регионе XVII–XIX вв.». Пресловутая «кровь, исполненная знаниями». Она буквально вписала это в свою научную биографию.

И её фотография. Не лучшего качества, сделанная, судя по всему, для пропуска. Но даже этот снимок не мог скрыть главного. Глаза. Не просто умные. Глубокие, как колодец, в котором плещется что-то тёмное и древнее. И в них — вызов. Не детский, а взрослый, осознанный. Она смотрела прямо в объектив, будто глядя сквозь время и пространство прямо на меня. И на её лице... не было страха. Была концентрация. Та самая, что бывает у охотника, замершего в засаде.

Во мне зашевелилось что-то давно забытое. Не просто интерес. Не просто голод (хотя медный привкус на языке присутствовал, острый и соблазнительный). Это было оживление. Пробуждение от вековой спячки. Она была не очередной жертвой, жаждущей острых ощущений или денег. Она

была Искателем. Как я когда-то, в те далёкие времена, когда ещё был человеком и жаждал знаний больше, чем крови.

Пустить её сюда — значило впустить в свою крепость живой огонь. Он мог согреть ледяные камни моей вечности. Или спалить всё дотла, обнажив скрытый под многими веками прах правды.

Разум, отточенный столетиями самосохранения, выстраивал логические цепочки: опасно, невозможно, нужно стереть письмо, заблокировать, забыть. Но было и другое. Голос постарше, потише, живший в самой глубине того, что когда-то было душой. Он шептал о возможности. О том самом мифе, в который я перестал верить ещё до того, как Наполеон маршировал по Европе. Об «истинной паре». О крови, которая может не только насытить, но и... оживить.

Я долго сидел в темноте, смотря, как за окном рождается ночь — моя настоящая стихия. Потом медленно, будто против собственной воли, протянул руку к клавиатуре. Я не стал писать длинный ответ. Многословие — удел неуверенных. Я написал ровно столько, сколько было нужно. Предложение. Вызов. Приглашение.

«Уважаемая мисс Матес. Ваша проницательность достойна лучшего применения, чем пыльные архивы. Однако ваш интерес к «лабиринту» заслуживает внимания. Приглашаю вас в замок Вейн на рождественский период в качестве приглашённого исследователя. Вы получите доступ к указанным материалам. Взамен ожидаю ваш отчёт. Биле-

ты и все расходы беру на себя. Жду подтверждения. Калей Вейн».

Я нажал «Отправить». Звук щелчка прозвучал в тишине кабинета невероятно громко. Сделка была заключена. Не с человеком. С судьбой. Или с роком.

Я встал и подошёл к огромному, в полстены, окну. В стекле, как в чёрном зеркале, отражалась комната и моя фигура — высокая, одинокая, неотделимая от окружающего мрака. Я смотрел на своё отражение, на эти безжизненные глаза, и впервые за долгие-долгие годы попытался представить, каково это — увидеть в них хоть искру чего-то настоящего. Не голода. Не скуки. А чувства.

«Приезжай, Ирэн Матес, — беззвучно прошептал я в холодное стекло. — Покажи мне, есть ли в этой древней сказке хоть крупица правды. Или стань самой изящной главой в моей коллекции — главой о последней надежде, которая оказалась миражом».

Ночь поглотила замок, а я остался стоять у окна, слушая, как ветер завывает в ущельях, предвещая скорую зиму. И где-то далеко, в Праге, девушка с кровью, исполненной знания, получила моё письмо. Игра, которая могла закончиться для неё смертью или для меня — вечным проклятием, началась. Первый ход был сделан. Я ждал ответа. И чувствовал, как где-то в каменной груди, где давно уже не билось сердце, что-то едва заметно дрогнуло.

Глава 3.

ИРЭН

Ответ Калеба Вейна пришёл через сорок семь часов. Не через сутки, что могло бы выглядеть поспешностью, и не через неделю, что было бы пренебрежением. Сорок семь часов — срок, рассчитанный, чтобы я успела прочувствовать всю гамму сомнений, от надежды до полного отчаяния, и вот-вот готова была сдаться. В этом был его первый, невидимый укол: он контролировал не только пространство, но и время моих ожиданий.

Я сидела в университетской библиотеке, пытаюсь читать статью о методах средневековой экзорцизации, когда на экране телефона всплыло уведомление. Сердце в груди совершило резкий прыжок, будто сорвалось с обрыва. Я открыла письмо. Оно было кратким, как удар кинжала, и таким же неотвратимым. Он соглашался. Более того — он приглашал. Не на бал, а на целый рождественский период. Как исследователя. Он принимал мою игру.

Первая волна была чистейшим, опьяняющим триумфом. Я вскочила со стула так резко, что отодвинутый с грохотом стул привлёк неодобрительные взгляды полудюжины студентов. Мне было плевать. Я сделала это! Я пробилла броню самого неприступного коллекционера Европы! В голове уже звучали фанфары, я представляла, как пробираюсь по его ар-

живам, как мои находки перевернут академический мир.

Триумф длился ровно до того момента, пока я не перечитала его письмо в десятый раз. И тогда холодная, липкая ползучесть сомнений просочилась сквозь трещины в эйфории. «Ваша проницательность достойна лучшего применения...» — это была похвала или намёк на то, что я слишком умна для своего же блага? «Интерес к лабиринту заслуживает внимания» — он понял. Он точно понял мою аллюзию. Значит, он не просто богатый чудак. Он читает между строк. Он мыслит на том же тайном языке, что и я. Это было одновременно восхитительно и пугающе до тошноты.

Я отправилась к профессору Эмилю, в его кабинет, пропахший старым табаком и лошадиным клеем для переплёт-тов. Он сидел, чиня корешок какого-то фолианта, и его круглые очки съехали на кончик носа.

— Ну? — спросил он, не глядя на меня, ловко орудуя кистью.

— Он согласился. Я еду. На Рождество.

Кисть замерла в воздухе. Профессор медленно поднял на меня глаза. В них не было ожидаемого восторга. Была тревога, тяжёлая и неподдельная.

— Чёрт, — тихо выдохнул он, откладывая кисть. — Ты в самом деле это сделала.

— Это же победа, профессор! — в моём голосе прозвучала надтреснутая нота, выдававшая мои собственные опасения.

— Возможно, — он снял очки и принялся протирать их краем жилетки. — Ирэн... Калев Вейн. О нём ходят слухи. Даже не о его богатстве. О нём самом.

— Какие слухи? — спросила я, стараясь звучать скептически, но внутри всё сжалось.

— Что он не стареет. Что люди, которые бывают у него, возвращаются... другими. Замкнутыми. Или, наоборот, с какой-то лихорадочной страстью к жизни, которая быстро сгорает. Говорят, в его замке время течёт иначе. Что там можно заблудиться не только в коридорах, но и в собственных мыслях. Что он... видит людей насквозь. Будто читает не только их книги, но и их души.

— Суеверия, — буркнула я, но голос звучал слабо. — Людям свойственно мифологизировать богатых затворников. Особенно в таких местах, как Трансильвания.

— Возможно, — повторил профессор. Он посмотрел на меня прямо, и в его старых, умных глазах была неподдельная забота. — Но я тебя знаю, Ирэн. Ты не просто учёный. Ты — охотница за призраками. Ты веришь в то, что изучаешь, на каком-то глубинном уровне. И я боюсь, что там, в этом лабиринте, ты найдёшь не только призраков на страницах книг.

Его слова легли прямо на сырую почву моих страхов. Я промолчала. Он вздохнул, открыл ящик стола и достал оттуда маленький, потёртый на вид мешочек из тёмной ткани.

— Возьми. На всякий случай.

— Что это? — я взяла мешочек. Он был тяжёлым, внутри

что-то мелко пересыпалось.

— Смесь. Соль, чеснок, семена чертополоха, немного серебряной пыли. Старинный трансильванский оберег. От... недоброго глаза.

Мы оба рассмеялись, но смех наш был коротким и нервным.

— Спасибо, профессор, — я сунула мешочек в карман куртки, чувствуя себя глупо и в то же время странно утешённой.

— И, Ирэн? — он снова стал серьёзен. — Возьми не только книги. Возьми... здравый смысл. Если что-то покажется тебе слишком странным, если почувствуешь опасность — не геройствуй. Беги. Диссертацию можно написать и по другим источникам.

Я кивнула, но знала, что не послушаюсь. Поздно было бежать. Нить уже была в моих руках, и она тянула меня только вперёд, вглубь.

Следующие недели превратились в странный, сюрреалистичный ритуал подготовки. Помимо стандартного научного снаряжения — специальных перчаток, кислотно-нейтральной бумаги для пометок, мощного фонарика, ноутбука с внешними жёсткими дисками — я собирала и другой «арсенал». На дно чемодана, под стопки тёплых шерстяных свитеров и термобелья (в сопроводительном письме от его секретаря, некоей госпожи Лакти, сухо сообщалось о «суровых зимних условиях»), я упаковала:

1. Маленькую серебряную фляжку со святой водой, подаренную мне когда-то крестной, верующей до фанатизма.
2. Небольшое старинное складное зеркальце в серебряной оправе — по преданию, вампиры не отражаются.
3. Серебряный свисток — почему-то казалось, что он может пригодиться.
4. И, краснея даже в пустой комнате, несколько веточек сушёного чеснока, купленного на рынке и завернутого в шёлковый платок.

Это был мой «чемодан паранойи». Рациональная часть моего мозга насмеялась над этими суевериями. Но та часть, что всё глубже погружалась в мир ночных кошмаров и интуитивных прозрений, настаивала: «Бери».

Ночи стали адом и раем одновременно. Сны посещали меня теперь регулярно, становясь ярче, подробнее, чувственнее. В них я никогда не видела его лица чётко — только силуэт на фоне огромного витражного окна, только тень, скользящую по стенам библиотеки. Но я чувствовала его. Его присутствие было физическим — давление в воздухе, холодок, идущий по коже, сладковатый, терпкий запах увядающих роз и старого пергамента.

А потом начинались прикосновения.

Сначала это были просто намёки: ощущение, что кто-то проводил пальцами по моим волосам, пока я спала. Потом — холодная ладонь на талии поверх тонкой ночной рубашки. В самом страшном (или самом желанном?) сне я стояла

в центре круглой залы, залитой лунным светом, а он подошёл сзади. Его руки медленно обвили мои бока, ладони легли плашмя на низ живота, прижимая меня к себе. Его тело было твёрдым и холодным, как мраморная статуя, но в точке соприкосновения возникал жар, пронизывающий насквозь. Его губы коснулись места, где шея переходит в плечо — не для укуса, а просто так, холодным, исследующим прикосновением. И я... не сопротивлялась. Наоборот, я запрокинула голову, подставляя шею, и издала звук, среднее между стоном и вздохом. Просыпалась я от этого стога, вспотевшая, дрожащая, с бешено стучащим сердцем и с таким острым чувством стыда и желания, что хотелось кричать.

Я начинала бояться сна. И жаждать его. Это противоречие разрывало меня на части. Я была учёной! Я верила в факты, в логику, в рациональные объяснения! А моё собственное подсознание устраивало мне эти... сладострастные, готические спектакли с участием моего потенциального работодателя. Это был стресс. Это было нервное истощение. Это было что-то ещё, чего я не понимала, но что манило с силой гравитации чёрной дыры.

В день отъезда Прага была окутана плотным, грязно-жёлтым туманом. Я стояла на перроне Центрального вокзала, сжимая в руке билет первого класса Прага-Бухарест, а потом — место в спальном вагоне до Сибиу. Всё было оплачено. Всё организовано с пугающей безупречностью. Рядом со мной стоял мой верный, потрёпанный чемодан, набитый

книгами и «защитой», и новый, прочный дорожный рюкзак.

Я чувствовала себя не исследователем, отправляющимся в поле, а невестой, которую везут в чужой, незнакомый мир. Или жертвой, добровольно идущей на алтарь. Я вздрогнула, когда прозвучал гудок отправления. Последний шанс повернуть назад.

Я села в купе. Оно было пустым, роскошным, стерильным. Запах дорогой кожи и свежей полироли.

Я прилипла к окну, наблюдая, как плывут назад знакомые, туманные силуэты города, который был мне и домом, и тюрьмой. Постепенно город сменился серыми полями, голыми лесами. Пейзаж за окном становился всё более суровым, безлюдным.

Я достала мешочек профессора Эмиля. Пересыпала в ладони смесь — сероватую, с блестками серебра, с резковатым запахом. «Старинный трансильванский оберег». Я сжала его в кулаке, чувствуя, как мелкие частицы впиваются в кожу. Неужели я действительно еду на встречу с чем-то... потусторонним? Или я просто позволила своей научной одержимости и романтическому воображению зайти слишком далеко?

Поезд нырнул в тоннель, и в окне на миг отразилось моё лицо — бледное, с огромными, полными тревожного ожидания глазами. В темноте стекла мне на мгновение показалось, что за моим отражением стоит другая тень — высокая, мужская. Я резко обернулась. Купе было пусто.

«Нервы, Ирэн, просто нервы», — строго сказала я себе.

Но когда поезд вынырнул на свет, я не выпускала мешочек из рук. Путешествие в сердце лабиринта началось. И я всё меньше была уверена, что нить Ариадны, которую я так дерзко предлагала найти, удержит меня от падения в бездну. Бездну, которую зовут Калев Вейн. Или в ту, что открывалась в моих собственных снах.

Глава 4.

ИРЭН

Поезд «Карпатский экспресс» был не просто транспортом. Это был временной портал, медленно, но верно стиравший границы между привычным миром и тем, что ждало впереди. Моё купе первого класса было роскошной клеткой: полированный орех, бархатная обивка цвета бургундского вина, хрустальная пепельница, которой я, разумеется, не пользовалась. За окном поплыл гипнотический, монотонный пейзаж: сначала равнинная Чехия, потом холмы Словакии, постепенно набирающие высоту, становящиеся суше. Цивилизация отступала, уступая место редким деревушкам, чьи дымные огни казались такими же древними, как сами горы.

Я пыталась работать. Достала ноутбук, открыла файлы с предварительными заметками по «Хроникам пастора Йозефа». Но буквы расплывались перед глазами. Вместо текста я видела сон. Тот самый, с его руками на моём животе, с ледяными губами на шее. Я с силой потёрла виски. Нужно было взять себя в руки. Включила диктофон и стала наговаривать наблюдения, больше для успокоения, чем для науки.

— Пятница, семь часов вечера. Пересекли границу Венгрии. Ландшафт становится... более мифологичным. Леса гуще, небо ниже. Чувство оторванности от привычных точек

отсчёта. Если вампирические легенды и имеют географическую привязку к ландшафту, то это именно он: места, где легко заблудиться, как физически, так и ментально. Где тень от сосны может показаться силуэтом в плаще, а вой ветра в ущелье — чьим-то шёпотом.

Я выключила диктофон. Мой собственный голос звучал чужим, взвинченным. В коридоре мягко прозвучал гонг, возвещающий ужин. Я не была голодна, но нуждалась в отвлечении. Ресторанный вагон был почти пуст. Лишь за дальним столиком сидела пожилая пара, безмолвно ковыряющая рыбу под соусом. Я выбрала столик у окна. Сумерки сгущались, превращаясь в густую, чернильную синеву.

— Молодое вино, мадемуазель? — появился проводник, немолодой мужчина с усталыми, пронизательными глазами и акцентом, в котором угадывалось смешение славянских и венгерских нот.

— Минеральной воды, пожалуйста.

Он кивнул и через мгновение поставил передо мной бутылку и бокал. Его взгляд задержался на моём лице чуть дольше необходимого.

— Далеко едете? — спросил он, не уходя.

— До Сибиу.

— Ах, красивый город. Саксонская жемчужина. Туризм?

— Исследовательская работа.

— В наших краях много чего исследовать, — сказал он многозначительно. — И не всё стоит выкапывать на свет бо-

жий.

Ледяная игла прошла по моему позвоночнику. Я подняла на него глаза.

— Что вы имеете в виду?

Он сделал вид, что поправляет салфетку на моём столе.

— Говорят, вы едете в замок Вейн. Наш поезд делает специальную остановку у подножия ущелья для его гостей. Это редкость.

Значит, он знал. Или догадался. Или его предупредили.

— Вы знаете хозяина? — спросила я, стараясь звучать нейтрально.

Проводник усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Кто его знает? Он не часто ездит поездами. Но те, кто работает на этой линии давно... мы кое-что слышали. Замок стоит на том месте с незапамятных времён. Менялись названия, владельцы... а он, хозяин, будто бы один и тот же. — Он понизил голос до конспиративного шёпота. — Моя бабушка, царство ей небесное, говорила, что там живёт «страж». Не человек и не зверь. Что он сторожит не сокровища, а врата. Во что-то. Или от чего-то.

Мои пальцы сжали край стола. Рациональный ум кричал: «Деревенские суеверия! Старинные сплетни!». Но что-то внутри, та самая одержимость, встрепенулась, уловив знакомую ноту.

— Врата? Какие врата?

Проводник пожал плечами, внезапно став снова просто

служащим.

— Кто их знает. Сказки старух. Приятного аппетита, мадемуазель.

Он удалился. Я осталась одна с бокалом воды, в котором дрожали отблески проплывающих во тьме огней. «Страж». «Врата». «Кровь, исполненная знаниями». Обрывки мозаики кружились в голове, не складываясь в картину, но обещая нечто грандиозное и ужасающее.

Я почти ничего не съела. Вернувшись в купе, я заперла дверь на задвижку — жест иррациональный, ведь поезд был практически пуст.

Ночь за окном была теперь абсолютно чёрной, лишь изредка прорезаемой одинокими, жёлтыми точками ферм. Я легла на узкую полку, но сон не шёл. Тело помнило сны, и оно их боялось. Я лежала, прислушиваясь к стуку колёс, который постепенно начал складываться в назойливый ритм: Вейн... Вейн... Вейн...

Перед рассветом я всё же провалилась в забытьё. И снова он пришёл. На этот раз сон был иным. Я не в замке. Я в лесу. Глубокий, немой снег, лунный свет, отбрасывающий синие тени. Я бегу. Не от страха, а к чему-то. Сердце колотится, пар вырывается изо рта облачками. Я знаю, что он где-то рядом. Я чувствую его взгляд на спине, холодный и тяжёлый. Спотыкаюсь о корень и падаю в сугроб. Снег обжигает холоден. И тут он появляется. Не подходит — материализуется из тени между сосен. Он в тёмном, длинном пальто, без

шляпы. Его лицо наконец видно чётко в лунном свете. Оно ещё более поразительно, чем на фотографиях: резкое, бледное, совершенное и абсолютно бесстрастное. Он смотрит на меня, и в его серых глазах — не голод, не злоба. Любопытство. Как учёный на редкий экземпляр.

— Ты пришла, — говорит он, и его голос — это шёпот самого ветра, скользящего по елям. — Несмотря на все предостережения.

Я не могу ответить. Я лежу, замороженная. Он наклоняется, протягивает руку. Его пальцы, без перчаток, касаются моей щеки. Холод прожигает кожу, как раскалённое железо, но боли нет. Есть шок, электрический разряд, идущий от точки касания по всему телу. Я вздрагиваю всем существом.

— Такая живая, — шепчет он, и его большой палец проводит по моей нижней губе. — Такая... горячая. Ты знаешь, что ищешь, Ирэн?

Я киваю, не в силах вымолвить слово. Моё знание — не в голове. Оно — в крови, что бешено стучит в висках, в каждом нервном окончании, сжавшемся в ожидании.

— И всё равно идёшь, — в его голосе проскальзывает что-то, похожее на уважение. Или сожаление. — Храбрая душа. Глупая, храбрая душа.

Его лицо приближается. Я жду поцелуя, укуса, не знаю чего. Но он лишь вдыхает запах у моего виска, глубоко, как нюхает цветок. Его веки прикрываются.

— Твоя кровь... поёт старую песню. Песню, которую я ду-

мал, забыл.

Поезд резко затормозил, входя на станцию. Я проснулась с резким всхлипом, оторвавшись ото сна, как от пропасти. Я сидела на койке, вся в поту, дрожащая. Губы горели, будто его прикосновение было реальным. За окном занимался хмурый, серый рассвет. Мы были в горах. Настоящих, высоких, покрытых снежными шапками Карпатах.

Через час проводник постучал в дверь.

— Специальная остановка «Ущелье Вейн», мадемуазель. Через пять минут.

Я собралась дрожащими руками. Надела самое тёплое пальто, намотала шарф. Когда поезд замер у одинокой, крошечной платформы, встроенной прямо в скалу, моё сердце готово было выпрыгнуть из груди. Двери открылись, хлынул ледяной, кристально чистый воздух, от которого перехватило дыхание.

На платформе ни души. Только сосны, тяжёлые от снега, и каменная стена ущелья. И тут я увидела его. Вернее, сначала увидела машину — высокий, тёмный внедорожник, выглядевший как бронированное насекомое. А рядом с ним — не секретарь, не слуга.

Калёб Вейн.

Он стоял, прислонившись к капоту, в длинном чёрном пальто, под которым угадывался тёмный свитер и брюки. Без шляпы. Его тёмные волосы были слегка растрёпаны ветром. В реальности он был выше, массивнее, чем на фотографиях.

Его присутствие было физической силой, давившей на пространство. Он смотрел прямо на меня, и в его серых глазах не было ни тени приветствия, которое снилось мне. Там был всепоглощающий, леденящий анализ. Он изучал меня так, как я изучала бы редкую рукопись: оценивая сохранность, подлинность, потенциальную ценность и опасность.

Ветер донёс до меня его голос. Низкий, ровный, без намёка на акцент. Голос из моего сна.

— Мисс Матес. Добро пожаловать в Трансильванию.

Я сошла с подножки вагона, ноги были ватными. Поезд, громыхнув, тронулся дальше, оставив меня одну на этой крошечной платформе с этим человеком. С этим стражем у врат.

— Мистер Вейн, — выдавила я, надеясь, что голос не выдаст мою дрожь. — Вы... лично? Я не ожидала...

— Я ценю пунктуальность и ненавижу делегировать важные встречи, — отрезал он, оттолкнувшись от капота. Его движения были плавными, экономичными, лишёнными суеты. Он подошёл так близко, что я почувствовала исходящий от него холод — не зимний, а иной, глубинный, как из открытой гробницы. — Дорога была утомительной?

— Нет, всё было... прекрасно организовано, — сказала я, и мой взгляд невольно упал на его рот. На те губы, что во сне касались моей шеи.

Он заметил этот взгляд. В уголках его глаз дрогнули едва заметные морщинки. Не улыбка. Что-то более сложное.

— Давайте. В машине теплее. Замок ждёт.

Он взял мой чемодан, его пальцы ненадолго коснулись моей в перчатке. Даже через ткань удар холода был ощутим. Он открыл пассажирскую дверь. Я скользнула внутрь. Салон пах кожей, холодным металлом и его запахом — сандалом, морозом и чем-то неуловимо древним, как влажный камень в пещере.

Он сел за руль, завёл двигатель. Машина плавно тронулась по узкой, заснеженной дороге, выходящей вверх, в самое сердце ущелья. Мы ехали молча. Я смотрела в окно на нависающие скалы, на ледяные водопады, замерзшие в причудливых формах. Это место было вне времени.

— Ваш проводник, — вдруг нарушил он тишину, и я вздрогнула. — Он что-нибудь рассказывал вам? Сказки для туристов?

Его голос был спокоен, но в нём чувствовалась стальная нить.

— Он... упомянул местные легенды, — осторожно ответила я.

— Легенды — это пыль, мисс Матес. Пыль, которая иногда скрывает осколки костей. Надеюсь, вы приехали копать глубже пыли.

Он посмотрел на меня через зеркало заднего вида. Его взгляд встретился с моим. В нём был прямой, безжалостный вызов.

— Я приехала за правдой, мистер Вейн, — сказала я, и на

этот раз в моём голосе зазвучала твёрдость, которой я сама от себя не ожидала.

— Правда, — повторил он, и это слово повисло в воздухе салона, тяжёлое и многозначное. — Опасная добыча. Часто кусает охотника за руку. Вы к этому готовы, Ирэн?

Он назвал меня по имени. Впервые. И от того, как это прозвучало — низко, почти интимно, — по спине пробежали мурашки.

— Я исследователь, — ответила я, глядя в его отражение в зеркале. — Риск — часть профессии.

Он не ответил. Только чуть заметно кивнул. Машина вышла из узкого ущелья, и перед нами открылась панорама. На утёсе, на фоне свинцового зимнего неба, высился замок Вейн. Не готический кошмар со шпилями, а мощная, суровая крепость из тёмного камня, вросшая в скалу, будто её породила сама гора. Окна светились тёплым, жёлтым светом, контрастируя с окружающим мраком. Это было одновременно и пугающе, и невероятно красиво.

Мой лабиринт. Мой страж у врат. Моя безумная надежда и мой возможный конец — всё было здесь.

Мы подъехали к огромным, дубовым воротам. Калёб нажал кнопку на брелоке, и они бесшумно поползли в стороны, словно пасть каменного исполина, раскрывающаяся, чтобы проглотить нас.

— Добро пожаловать домой, — сказал он тихо, и въехал во внутренний двор.

Дверь захлопнулась за нами с глухим, окончательным звуком. Путешествие закончилось. Начиналось что-то другое.

Глава 5.

ИРЭН

Внутренний двор замка оказался не просто пространством между стенами, а тихим, заснеженным садом-колодцем. Посредине росла огромная, древняя ель, увешанная стеклянными шарами и лентами из красно-золотой парчи — призрачное, прекрасное рождественское украшение, казавшееся здесь одновременно уместным и кощунственным. Камень стен был тёмным, пористым, впитавшим века влаги и теней. Воздух, неподвижный и морозный, пах хвоей, дымом и чем-то ещё — сладковатым, как увядающие листья, и горьким, как полынь.

Калёб выключил двигатель. Тишина, наступившая после гула мотора, была абсолютной, давящей. Он вышел, обошёл машину и открыл мою дверь. Его рука, предлагающая помощь, висела в воздухе. Я проигнорировала её, выбравшись самостоятельно, но моя нога всё равно почти подкосилась на неровном булыжнике. Он не прокомментировал, лишь взял мой чемодан из багажника.

— За мной, — сказал он коротко и направился к массивной дубовой двери с железными накладками.

Дверь открылась сама, ещё до того, как он к ней прикоснулся. В проёме стояла женщина. Нет, не женщина — явление. Высокая, прямая как шпага, с седыми волосами, убран-

ными в безупречный тугой узел. Её лицо было изрезано морщинами, но не от старости, а от постоянной, суровой собранности. На ней было простое тёмно-серое шерстяное платье, на груди — связка старомодных ключей. Это была госпожа Лакти. В её чёрных, невероятно живых глазах не было ни капли радушия. Был расчётливый, мгновенный анализ.

— Мисс Матес, — произнесла она голосом, похожим на скрип несмазанной дверной петли. — Добро пожаловать. Хозяин предупредил о вашем прибытии.

— Госпожа Лакти, моя экономка, — представил её Калев, проходя внутрь, будто женщина была частью интерьера. — Она покажет вам ваши комнаты и ознакомит с распорядком.

Я переступила порог. И меня окутал запах дома. Не дома живых людей. Дома-музея, дома-саркофага. Воск, старина, сухие травы, холодный камень и... едва уловимая, но стойкая нота чего-то металлического. Как монеты, долго пролежавшие в ладони. Кровь? Нет, скорее, холодное железо.

Зал, в который мы вошли, был громадным. Высокий сводчатый потолок терялся в полумраке. Стены украшали гобелены с выцветшими сценами охоты — олени с грустными глазами, окружённые собаками и людьми с копьями. По ним ползали тени от пылающего в камине огня. Огня живого, горячего, трещащего. Это было первое, что хоть как-то согревало эту ледяную гробницу.

— Вы, должно быть, устали с дороги, — сказала госпожа Лакти, и её фраза прозвучала как констатация факта, а не

забота. — Пойдёмте. Ваши апартаменты в восточном крыле. Оно... тише.

Она взяла со столика массивный канделябр с тремя зажжёнными свечами и двинулась вглубь замка. Я бросила прощальный взгляд на Калеба. Он уже снял пальто и стоял у камина, положив руку на каменную полку, глядя в пламя. Огонь освещал его профиль, делая его ещё более резким, нереальным, словно высеченным из льда. Он не смотрел на меня. Казалось, он уже забыл о моём присутствии. Это было унижительно и... возбуждающе. Я почувствовала внезапный, яростный порыв — крикнуть, бросить что-нибудь, чтобы вернуть его внимание на себя. Но подавила его, стиснув зубы.

Мы шли по бесконечным коридорам. Наши шаги глухо отдавались от каменных плит пола. Свечи бросали пляшущие тени на стены, где портреты людей в старинных костюмах смотрели на нас с молчаливым, вечным укором. Я заметила, что на некоторых портретах мужчины имели поразительное сходство с Калемом — те же высокие скулы, тот же разрез холодных глаз. «Предки», — подумала я, но мысль была плоской, ложной. Я знала, что это не предки.

— Вот здесь, — госпожа Лакти остановилась у тяжелой дубовой двери, отперла её огромным ключом и отворила. — Ваши комнаты. Ванная — через ту дверь. Вода горячая, котёл работает исправно. Ужин в столовой в восемь. Хозяин... обычно не ужинает с гостями. Вам принесут трапезу сюда,

если пожелаете.

Я вошла внутрь. Комната была... поразительной. Это не были гостеприимные покои. Это была ловушка роскоши.

Огромная четырёхспальная кровать с балдахином из тёмно-бордового бархата, тяжёлые шёлковые портьеры на высоких окнах, камин (уже растопленный, огонь весело потрескивал), массивный письменный стол у окна, уставленный письменными принадлежностями из тёмного дерева и серебра. И книги. Полки, встроенные в стены, ломились от книг. Старинных, переплетённых в кожу. Я подошла ближе, провела пальцем по корешкам. Трактаты по алхимии, средневековые бестиарии, сборники карпатских легенд на румынском, венгерском, немецком. Это была не случайная подборка. Это была приманка. Или испытание.

— Библиотека хозяина находится на этаж ниже. Эти книги — для вашего... удобства, — сказала госпожа Лакти, и в её голосе я уловила тончайшую нотку чего-то — презрения? Предостережения? — Они могут помочь сориентироваться перед погружением в основные архивы. Ужин принесут через час.

Она кивнула и вышла, закрыв дверь с тихим, но окончательным щелчком. Я осталась одна. Абсолютно одна в этом каменном чреве. Тишина была настолько громкой, что звенела в ушах. Я подошла к окну, отодвинула тяжёлую портьеру. За стеклом, уже слегка подёрнутым морозным узором, клубилась тьма и падал снег — крупный, неторопливый, бес-

конечный. Я была отрезана от мира. Добровольно.

Я распаковала чемодан, механически раскладывая вещи. Мои «защитные» атрибуты — мешочек, фляжку, зеркальце — я спрятала в нижний ящик комода, под бельё. Здесь, в этой комнате, они казались смешными, детскими. Здесь была другая реальность.

Ровно в восемь раздался тихий стук. На пороге стояла молодая, бледная служанка с большими испуганными глазами. Она молча внесла поднос, поставила его на стол перед камином, кивнула и удалилась, словно тень. На подносе был изысканный ужин: суп-пюре из лесных грибов, запечённая дичь с ягодным соусом, тёплый хлеб, графин с красным вином густого, почти чёрного цвета. Еды хватило бы на троих. Я села. Было вкусно, до одури. Но я ела без аппетита, чувствуя себя Золушкой на балу, который вот-вот превратится в кошмар.

Вино было на любителя, терпким, с привкусом чернослива и дубовой бочки. Я выпила один бокал, потом другой. Тепло разлилось по жилам, притупив острые углы страха. Подошла к книжной полке, наугад вытащила том. «Об оборотнях и вурдалаках Трансильвании, собранные доктором И. Ван Хельсингом, 1897». Ирония судьбы. Я усмехнулась и открыла книгу. На титульном листе чьим-то твёрдым, уверенным почерком было написано: *«Для любознательных гостей. К.В.»*

Он знал. Знал, что я возьму именно эту книгу. Или он

оставил такие пометки во всех? Я отбросила том, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он играл со мной. И я была пешкой на его доске.

Не выдержав, я накинула кардиган и вышла из комнаты. Мне нужно было движение, нужно было понять планировку этой ловушки. Коридор был пуст и освещён редкими настенными светильниками в виде факелов. Я шла наугад, прислушиваясь к звукам замка. Но звуков не было. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа половиц. Только моё собственное дыхание и биение сердца.

Я вышла на небольшую винтовую лестницу, ведущую вниз. Спустилась. Оказалась в ещё одном коридоре, более узком. И тут услышала музыку. Тихий, меланхоличный мотив старинного рояля. Шопен? Ноктюрн. Он лился откуда-то справа. Я пошла на звук.

Дверь в конце коридора была приоткрыта. Я заглянула внутрь. Это была небольшая музыкальная гостиная. Рояль. И за ним — он.

Кaleb сидел, откинув голову, его пальцы бесшумно, но точно двигались по клавишам, извлекая ту самую грустную, безупречную мелодию. Он был в тёмном халате поверх брюк и рубашки. Свет от одной лампы падал на его руки — длинные, бледные, с тонкими, выразительными пальцами. Те самые пальцы, что касались меня во сне. Я замерла, заворожённая. Он играл не для публики. Он играл для себя. Или для тьмы за окном. На его лице было выражение такой глу-

бокой, нечеловеческой тоски, что у меня сжалось сердце. В этот момент он не был стражем или коллекционером. Он был просто... одиноким. Бесконечно, вселенски одиноким существом.

Он закончил играть. Последняя нота растворилась в тишине. Он не двигался. Потом, не поворачивая головы, сказал:

— Подслушивать у дверей — не лучшая привычка для исследователя, мисс Матес.

Его голос был тихим, но он резанул тишину, как лезвие.

Я вошла в комнату, чувствуя жар на щеках.

— Я не подслушивала. Я... заблудилась. Музыка привела.

Он медленно повернулся на табурете. Его глаза в полумраке казались совсем светлыми, почти серебряными.

— Заблудиться в моём доме легко. Некоторые так и не находят выхода. — Он встал, и его фигура заслонила свет от лампы. — Вам не понравился ужин?

— Ужин был прекрасен. Я просто... не могла сидеть в комнате.

— Клаустрофобия? — в его тоне была лёгкая насмешка.

— Любопытство.

Он приблизился на шаг. От него пахло теперь не только холодом, но и нотами сандала и чего-то электрического, как после грозы.

— Любопытство, — повторил он. — Опасный спутник. Оно уже привело вас сюда. Куда оно вас заведёт дальше, Ир-

эн?

Моё имя на его устах снова прозвучало как заклинание.

— К правде, надеюсь.

— А если правда окажется не такой, как вы представляете? Если она окажется... холодной? Мёртвой?

— Мёртвые тоже могут многое рассказать, — выпалила я. — Их кости, их артефакты, их тексты...

— Их кровь? — ввернул он, и его взгляд упал на мою шею, на то место, где пульсировала артерия. Взгляд был таким интенсивным, что кожа там заныла, будто от реального прикосновения.

Я не отвела глаз. Выдержала его взгляд. Воздух между нами сгустился, стал вязким, заряженным.

— Всё, что может пролить свет, — тихо сказала я.

Он замер. Казалось, он слушает что-то — может, стук моего сердца, который, казалось, оглушительно гремит в тишине комнаты.

— Завтра, после завтрака, госпожа Лакти отведёт вас в библиотеку. «Хроники пастора Йозефа» ждут. — Он сделал паузу. — Но будьте осторожны со светом, Ирэн. Иногда он не просвечивает, а ослепляет. И то, что вы увидите в его лучах, может быть слишком... откровенным.

Он отвернулся и снова сел за рояль, положив руки на клавиши. Разговор был окончен. Я была выставлена за дверь без единого слова.

Вернулась в свою комнату, дрожа от смеси волнения,

страха и невероятного, позорного возбуждения. Он играл со мной как кошка с мышью. И я... я позволяла этому происходить. Более того, я жаждала этого. Его холод, его намёки, его опасная, интеллектуальная игра — всё это было прямо по моим самым потаённым струнам.

Я подошла к зеркалу в ванной. Лицо было бледным, глаза горели лихорадочным блеском. Я медленно провела пальцами по своей шее, по тому месту, куда смотрел он. Кожа была горячей. Я представила его губы там. Холодные. Его зубы. Острые.

С резким выдохом я отвернулась от зеркала. Я была в его ловушке. И самая страшная часть заключалась в том, что дверь я открыла себе сама. И теперь мне не хотелось выходить. Хотелось идти дальше, вглубь лабиринта, навстречу тому, что ждало в его сердце. Даже если это была гибель.

Я легла в огромную, холодную постель. За окном выла вьюга. А я лежала и прислушивалась к тишине, зная, что он где-то там, в темноте, бодрствует. И что, возможно, он тоже прислушивается ко мне.

Глава 6.

КАЛЕБ

Она вошла в музыкальную гостиную, и воздух мгновенно изменился. Он стал густым, сладким, невыносимо живым. Её запах — первый снег, ландышевое мыло, волнение и та самая, пьянящая нота её крови — заполнил пространство, заглушив даже запах воска и старого дерева. Я почувствовал его ещё до того, как услышал её шаги. Она думала, что заблудилась. Лгунишка. Или обманывала саму себя.

Я играл ноктюрн, пытаюсь утопить в музыке нарастающий рой ощущений. Но каждая нота лишь оттеняла её присутствие. Когда она замерла у двери, её сердцебиение было подобно барабанной дробе — быстрой, испуганной, но не отчаянной. В нём был азарт. Адреналин. Жизнь. Я давно не слышал ничего подобного. Обычные люди пахнут страхом, когда оказываются здесь ночью. Она же пахла... интересом.

Её дерзость — войти, не дожидаясь приглашения — вызвала во мне что-то вроде уважающей досады. И голод. Острый, как в первые века после Перехода. Но это был не просто голод вампира к крови. Это была жажда к её теплу, к её наглому, пытливому уму, к тому огню, что горел в её глазах, когда она смотрела на меня, не отводя взгляда. Большинство опускают глаза. Она — нет. Она смотрела, как будто пыталась разгадать ребус, написанный на моём лице на забытом

зыке.

Я поддразнил её. Намекнул на кровь. Её реакция была восхитительна — не ужас, а вызов. «Всё, что может пролить свет». Какая изумительная, двойственная фраза. Она даже не подозревала, насколько буквально её можно истолковать.

Когда она ушла, её запах ещё долго висел в комнате, смешиваясь с запахом рояля и пепла в камине. Я сел, сжав кулаки, пока мои собственные когти не впились в ладони. Контроль. Мне нужен был абсолютный контроль. Одна ошибка — и я мог разорвать её горло, не успев даже насладиться вкусом. Или... или совершить нечто ещё более необратимое.

Я вышел из гостиной и бесшумно поднялся по лестнице в свою личную башню. Комната без окон, облицованная чёрным базальтом. Здесь не было ничего, кроме старинного стола, кресла и несгораемого шкафа. Моя келья. Моя тюрьма. Я открыл шкаф и достал одну из старых, потрёпанных тетрадей. Дневник. Я вёл их века, чтобы не забыть, кем я был, и чтобы помнить, кем стал.

«Декабрь, 18... (какой год, уже не важно)

Она здесь. Матес. Потомок хранителей. Кровь её звенит, как колокольчик под куполом пустого собора. Громко. Назойливо. Прекрасно.

Она видит сны. Я чувствую их отголоски — дрожь в воздухе, когда она засыпает. Она видит меня. И не боится. В её снах есть... любопытство. Чувственность. Это опасно. Для нас обоих.

Завтра она прикоснётся к Хроникам. Увидит ли она то, что вижу я? Прочтёт ли между строк крик моей собственной, запертой в пергаменте, тоски? Или её учёный ум отфильтрует всё, кроме сухих фактов?

Я должен быть камнем. Льдом. Но когда она смотрит на меня, я чувствую трещины. Вековые, глубокие трещины.»

Я закрыл тетрадь. Нужно было дать ей доступ к библиотеке. Это было частью плана. Частью игры. Но сейчас игра начинала чувствоваться слишком реальной.

Утром я наблюдал за ней через систему скрытых зеркал, устроенную ещё моим «прадедом» в столовой. Она сидела одна за длинным столом, накрытым белой скатертью. Госпожа Лакти подавала ей кофе и омлет. Ирэн ела мало, её взгляд был рассеянным, она крутила в пальцах серебряную ложку. Она была красива в этом утреннем, мягком свете, падавшем из высокого окна. Без защитного слоя вечерних теней и моей собственной, нарочитой театральности, она казалась моложе, уязвимее. И от этого ещё более желанной. Её шея, открытая высоким пучком волос, манила взгляд своей бледной, тонкой кожей, под которой струился голубой ручеек вены.

Я отвернулся. Больше не мог смотреть. Этот вид будил во мне не джентльмена, а хищника.

Час спустя, стоя в тени за стеллажом в главном зале библиотеки, я наблюдал, как она входит. Госпожа Лакти указала ей на массивный дубовый стол, где уже лежали три тома в

кожаном переплётё — те самые «Хроники». И ушла, оставив её одну.

Ирэн замерла на пороге, её взгляд скользил по полкам, уходящим ввысь, по лестницам, по бюстам древних философов. На её лице было благоговение, смешанное с жадностью. Именно так я когда-то смотрел на книги, когда ещё был человеком. Она медленно подошла к столу, почтительно, как к святыне, прикоснулась к переплёту первого тома. Надела белые хлопковые перчатки, которые я предусмотрительно положил рядом. И открыла.

Я видел, как её глаза бегают по строкам. Видел, как брови то сходятся, то взлетают вверх от удивления. Она погрузилась полностью, её губы шевелились, повторяя латинские и старо-венгерские слова. Она была в своей стихии. И в этот момент она была ослепительна.

Прошёл час. Два. Она делала заметки в своём блокноте, иногда вскрикивала от возмущения или открытия. Я знал, что она нашла. Пастор Йозеф был педантичен. Он описывал ритуалы, обереги, случаи «одержимости нежитью» с ледяной, клинической подробностью. И там, на странице 234 второго тома, был отчёт о *«благородном господине В.»*, который жил в этих местах в XVII веке и, по слухам, *«питался сущностью жизни, дабы поддерживать свой неувядаемый облик»*. Йозеф добавлял на полях своим мелким, дрожащим от страха почерком: *«Но совесть его, если таковая осталась, мучима. Ищет он, говорят, не жертву, но спутника. Искуп-*

ления или погибли — сие неведомо».

Именно на этой странице я когда-то оставил свой собственный знак. Не чернилами. Оттиском пальца, слегка смоченного в вине, которое больше не мог пить. Бледное, едва заметное пятно, похожее на ржавчину, рядом с полями.

Я видел, как её взгляд упал на это пятно. Она наклонилась ближе, затем достала из кармана маленькую лупу. Рассматривала. Потом её взгляд резко поднялся и метнулся по комнате, будто она почувствовала, что за ней наблюдают. Я не шелохнулся, слившись с тенью.

Она снова уткнулась в книгу, но её поза изменилась — стала более собранной, настороженной. Она что-то записала, подчеркнула. Нашла.

Пришло время вступить в игру.

Я вышел из тени, намеренно ступив на скрипучую половицу, чтобы предупредить о своём приближении. Она вздрогнула и резко закрыла том, прижимая к нему ладонь, как ребёнок, пойманный за чтением запретного дневника.

— Нашли что-нибудь интересное, мисс Матес? — мой голос прозвучал в тишине библиотеки громче, чем я планировал.

Она медленно подняла на меня глаза. В них не было испуга. Была оценка. И возбуждение.

— Ваш пастор Йозеф был... весьма откровенен, мистер Вейн. Он описывает вещи, которые церковь в те времена предпочла бы забыть.

— Он был реалистом, — сказал я, приближаясь к столу. Мои пальцы легли на тёмный дуб, в дюйме от её руки. — Он понимал, что чтобы победить монстра, нужно сначала изучить его природу. Даже если эта природа отвратительна.

— Он пишет о местном дворянине, — продолжила она, не отводя взгляда. — О «господине В.». Он утверждает, что тот искал не жертву, а спутника. Что вы об этом думаете?

Прямота её вопроса обожгла. Она проверяла меня.

— Я думаю, что одиночество — вещь куда более страшная, чем жажда крови, — ответил я, глядя прямо в её глаза. — И что даже монстр может мечтать о том, чтобы его кто-то... увидел. Не как монстра. А как то, что осталось от человека.

Она замерла. Её дыхание участилось. Она почувствовала. Почти уловила суть.

— А что... осталось? От человека? — её голос был чуть больше шёпота.

Я сделал шаг вперёд, сократив дистанцию до опасной. Теперь я видел мельчайшие детали: золотые крапинки в её карих глазах, лёгкую дрожь ресниц, пульсацию на шее.

— Иногда — только память. Тоска по солнцу. По вкусу еды. По теплу прикосновения, — моя рука сама потянулась, но я остановил её, опустив на стол. — Иногда — совесть. Которая, как отмечает пастор, может мучить.

Она посмотрела на мою руку, лежащую так близко к её. Потом медленно, будто против собственной воли, оторвала

свою ладонь от книги и положила её рядом. Наши мизинцы почти соприкасались, разделённые сантиметром полированного дерева и бездной веков.

— А что ищете вы, Калёб? — спросила она, и впервые назвала меня по имени.

Электрический разряд прокатился по моему застывшему нутру.

Голод проснулся с яростью, заставив меня стиснуть зубы. Я хотел схватить её руку, прижать к своим губам, впиться зубами в запястье, ощутить на языке солёный жар её жизни.

— Я ищу... истину, — выдавил я, и это была правда. — В книгах. И в тех, кто их читает.

Я увидел, как по её щеке пробежал румянец. Она поняла двусмысленность. Она чувствовала то же напряжение, что и я. Это было написано на её лице, в расширенных зрачках, во влажном блеске нижней губы, которую она слегка прикусила.

— Возможно, истина где-то посередине, — сказала она, и её голос дрогнул. — Между строк. И между... людьми.

Она выдержала паузу, полную невысказанного. Потом, словно очнувшись, резко отодвинула стул.

— Мне... нужно продолжить. Текст сложный.

— Конечно, — я отступил, давая ей пространство, которое сейчас было нужно нам обоим. — Я не буду мешать. Если понадобится помощь с переводом... я к вашим услугам.

Я повернулся и ушёл, оставляя её одну с древними тек-

стами и с только что родившейся между нами новой, живой тайной. Уходя, я услышал её сбивчивый вздох.

Вернувшись в свою башню, я снова взял дневник.

«Она спросила. Прямо. „Что ищете вы?“ Назвала меня по имени. Её смелость сродни безумию. Или судьбе.

Я был на волоске. От того, чтобы забыть всё. От того, чтобы показать ей истину не в текстах, а в плоти. В кляксах. В вечной ночи.

Она пахла страхом и желанием. Эта смесь... сводит с ума.

Я должен держаться. Игра только начинается. Но, Боже, как тяжело снова учиться быть человеком, когда всё внутри кричит о том, что ты давно им не являешься.»

Я отложил перо. Вкус её возможной крови уже был у меня на языке. Медный, тёплый, живой. И вместе с ним — вкус чего-то, что я не мог определить. Надежды? Или предвестия конца?

Глава 7.

ИРЭН

Он ушёл. А воздух в библиотеке продолжал вибрировать, будто после удара колокола. Мои пальцы, лежавшие на столе, дрожали. Место, где наши руки почти соприкоснулись, горело ледяным огнём. Я вдохнула, пытаюсь унять бешеный ритм сердца. «Что ищете вы, Калев?» — Боже правый, что на меня нашло? Это была не научная любознательность. Это был вызов. Почти что приглашение.

И его ответ... «Даже монстр может мечтать о том, чтобы его кто-то увидел». Эти слова отозвались во мне глухим, тревожным эхом. Я посмотрела на том хроник. На то едва заметное ржавое пятно на странице. Теперь, когда он стоял так близко, я уловила тот же слабый, металлический оттенок в его запахе. Совпадение? Нет. В этом доме не было совпадений.

Я снова открыла книгу, нащупала страницу. Пятно было именно отпечатком подушечки пальца. Старинное. И текст рядом... «Ищет он, говорят, не жертву, но спутника». Я откинулась на спинке стула, закрыла глаза. Мой рациональный ум пытался строить цепочки: эксцентричный коллекционер, возможно, страдающий редкой формой порфирии или иной болезнью, вызывающей светобоязнь и анемию, намеренно культивирует вокруг себя мистический ореол. Он иг-

рает роль, вжился в неё за долгие годы отшельничества.

Но другое «я», то, что грезило его прикосновениями, шептало: а если нет? А если пастор Йозеф записал правду? А если этот «господин В.» не просто предок, а... один и тот же человек?

Я резко встряхнула головой. Это было безумие. Я позволяла атмосфере места, своей усталости и этим проклятым снам затуманить рассудок. Нужно было сосредоточиться на фактах. Я вернулась к тексту, стала выписывать все упоминания о «господине В.», ритуалах, связанных с «неумирающими». Работа поглотила меня с головой. Часы пролетели незаметно. Когда я наконец подняла глаза, за высокими окнами библиотеки уже сгущались зимние сумерки. Света от лампы на столе было мало, тени в углах зала стали густыми, живыми.

По спине пробежал холодок, не от сквозняка. Ощущение, что я не одна. Я обернулась. Никого. Только бесконечные ряды книг, молчаливые свидетели. Но чувство не проходило. Чувство взгляда. Тяжёлого, изучающего. Того самого, что я ощущала во сне.

Внезапно в библиотеке что-то щёлкнуло. Тихий, чёткий звук, как отключаемый выключатель. Моя лампа погасла. Я вскрикнула от неожиданности, погрузившись в почти полную темноту. Лишь слабый отсвет заката синел в верхних витражах. Я замерла, прислушиваясь. Шагов не было. Но было дыхание. Не моё. Медленное, ровное, едва уловимое. Где-

то справа.

— Кто здесь? — мой голос прозвучал хрипло, неуверенно.

Ни ответа, ни движения. Только это давящее присутствие. Сердце колотилось так, что я боялась, его будет слышно. Я медленно, ощупью встала из-за стола. Нужно было выбираться. Идти к двери, которая была в двадцати шагах через море теней.

Сделала первый шаг. Скрип половицы оглушительно грохнул в тишине. Второй. Третий. Тьма была осязаемой, она обволакивала, цеплялась за одежду. Я протянула руки вперёд, боясь наткнуться на что-то... или на кого-то.

И наткнулась.

Не на стеллаж. На что-то твёрдое, но податливое. На ткань. На пальто. Я вскрикнула и отпрянула, но сильные, холодные пальцы схватили меня за запястья. Ледяной ожог прошёл по коже.

— Тихо, — прошипел в темноте его голос. Низкий, напряжённый. Кaleb. — Вы что, не боитесь совсем?

— Вы... вы меня напугали! — выдохнула я, пытаюсь вырваться. Его хватка была железной.

— Свет иногда отключается. Старая проводка, — сказал он, но в его тоне не было извинений. Было что-то другое. Раздражение? Нетерпение? — Вам не следовало засиживаться допоздна.

— Я работала, — прошептала я. Он стоял так близко, что

я чувствовала исходящий от него холод через свою одежду. Его запах — мороз, сандал, стальные ноты — ударил в голову. — Вы... вы всегда так незаметно подкрадываетесь?

В темноте я почти видела, как блеснули его зубы. Не улыбка. Оскал.

— Привычка. Вам стоит её перенять, если собираетесь бродить по моему дому в темноте. Здесь много... неожиданных выступов. Можно упасть. Пораниться.

Его большой палец провёл по внутренней стороне моего запястья, по тому месту, где бился пульс. Движение было медленным, почти нежным, но намеренным. Я вздрогнула всем телом. Тепло хлынуло в низ живота, противореча ледяному прикосновению.

— Вы... — я потеряла дар речи. Разум кричал об опасности. Тело отвечало иначе.

— Я что, Ирэн? — он наклонился ближе, его дыхание коснулось моей щеки. Оно было прохладным, как ветерок с гор. — Я хозяин этого дома, который предупреждает свою гостью об опасности? Или я тот самый монстр из ваших книг, который вот-вот покажет свою истинную сущность?

Он играл. Играл грубо, безжалостно, пододвигая меня к краю. И я ненавидела себя за то, что мне это нравилось.

— Я ещё не решила, — прошептала я, поднимая голову, чтобы встретиться с его взглядом в темноте. — Монстры, как правило, не предупреждают. Они нападают.

Его хватка на запястье ослабла, превратившись почти в

ласку. Его пальцы теперь просто обвивали мои руки.

— А может, они просто устали от бесконечной охоты, — его голос приобрёл странную, усталую интонацию. — Может, им надоел вкус страха. Может, они ищут... вкус чего-то другого.

Он отпустил одно моё запястье. Его рука поднялась, и тыльная сторона его холодных пальцев коснулась моей щеки. Я застыла, не в силах пошевелиться. Это было то прикосновение, которого я боялась и жаждала. Оно парализовало. Оно пробуждало.

— Вы дрожите, — констатировал он.

— От холода, — солгала я.

— Лжёте, — он мягко, но неумолимо провёл пальцем по линии моей челюсти к подбородку. — Вы не боитесь холода. Вы боитесь этого. Того, что происходит между нами сейчас.

— А что происходит? — спросила я, и мой голос сорвался на шёпот.

Он не ответил. Вместо этого он наклонился ещё ближе. Его губы оказались в сантиметре от моей кожи, у виска. Он не целовал. Он вдыхал. Долгим, глубоким вдохом, как если бы хотел вобрать в себя самую суть моего существа.

— Вы пахнете... знанием, — прошептал он прямо мне в ухо, и его голос был грубым, полным невыносимого напряжения. — И жизнью. Такой яркой, что больно смотреть. Такой близкой, что можно сойти с ума.

Его губы едва коснулись моего виска. Точно в том ме-

сте, где мне снилось его прикосновение. Искра пробежала по всему телу, заставив меня выдохнуть со стоном. Я откинула голову, подставляя шею, в невольном, древнем жесте покорности и предложения.

Он замер. Его дыхание стало прерывистым. Я чувствовала, как он борется с собой. Борется с тем, что было в его природе. Длилось это вечность. Потом он с силой, почти с отвращением, отстранился.

В следующее мгновение в библиотеке щёлкнуло, и зажглась не моя лампа, а огромная люстра под потолком, заливая зал холодным, электрическим светом. Я зажмурилась от внезапной яркости.

Когда открыла глаза, он стоял в трёх шагах, спокойный, собранный, с лицом, на котором не осталось и следа той животной, голодной борьбы. Будто ничего не было.

— Проводить вас в ваши покои? — спросил он светским, ровным тоном. — Ужин, полагаю, уже ждёт.

Я могла только кивать, не в силах вымолвить слово. Моё тело всё ещё горело, стыд и разочарование смешивались с диким облегчением. Он сдержался. Но он показал мне... что? Край бездны? Или свою собственную слабость? Что вообще только что было?

Мы шли по коридорам молча. На этот раз он шёл впереди, не оглядываясь. Я смотрела на его широкую спину, на его безупречную, отстранённую осанку, и ненавидела его за эту мгновенную трансформацию. Он зажёг во мне огонь, а сам

отступил в свою ледяную скорлупу.

У двери моей комнаты он остановился.

— Завтра, — сказал он, не глядя на меня, — в хрониках есть глава о зимних солнцестояниях и ритуалах крови. Она может представлять для вас особый интерес. Спокойной ночи, Ирэн.

Он повернулся и растворился в полумраке коридора, не дожидаясь ответа.

Я заперлась в комнате, прислонилась к холодной деревянной двери спиной и скользила вниз, пока не села на пол. Тепло всё ещё трясло. Я поднесла руку к щеке, к тому месту, где он дотронулся. Кожа горела. Я поднесла пальцы к носу. На них пахло им. Холодом и тайной.

Он назвал главу. «Зимние солнцестояния и ритуалы крови». Это был не совет.

Это была следующая закладка в игре. Приглашение копать глубже. Как если бы он хотел, чтобы я начала копать в сторону его собственной сущности.

И самое ужасное было то, что я уже не хотела ничего другого. Тень сомнения уступила место твёрдой, опасной уверенности: Калёб Вейн не просто коллекционер легенд. Он — их живое воплощение. И я, с моей «кровью, исполненной знаниями», была здесь не случайно. Я была частью ритуала. Той самой «кровью, что не ведаёт страха».

Я встала, подошла к окну. Ночь была беззвёздной, снег падал ровной, непроницаемой пеленой. Где-то там, в этой

ночи, он бодрствовал. Читал? Смотрел в темноту? Думал обо мне?

Я прижала лоб к холодному стеклу. Лабиринт становился уже. Стены — ближе. А зов того, что ждало в самом центре, звучал всё громче. Уже не во сне. Наяву. И это был зов, от которого я не могла и не хотела бежать.

Глава 8.

ИРЭН

Утро пришло хмурое, с серым, низким небом, обещавшим новый снег. Я проснулась с чётким воспоминанием о ночи: о его пальцах на моей коже, о его голосе, полном сдержанной ярости и тоски, о том, как я сама подставила ему шею. Стыд был острым и жгучим, но под ним kloкотало что-то иное — торжествующее, почти ликующее. Я коснулась его. Он коснулся меня. Игра вышла за рамки интеллектуального флирта. Теперь в ней участвовала плоть, нервы, инстинкты.

После завтрака, который я проглотила почти не чувствуя вкуса, буквально бегом направилась в библиотеку. Том хроник лежал там, где я его оставила. Нашла главу, которую он упомянул: «Обряды крови в ночь зимнего солнцестояния, записанные со слов старейшин ущелья Вейн».

Текст был написан на смеси латыни и старого румынского диалекта, почерк дрожал, будто пастор Йозеф писал это при свече, боясь собственных слов. Я переводила, чувствуя, как холодеют кончики пальцев под тонкими перчатками.

Суть была такова: древний род, *«проклятый вечной жизнью, но лишённый её сути»*, мог обрести *«искупление или вечную погибель»* в самую длинную ночь года. Для этого нужна была *«кровь, не отравленная страхом, но очищенная знани-*

ем истинной природы ищущего». Кровь добровольного спутника. Ритуал должен был совершиться в «месте силы», где «граница между мирами тонка как зимний лёд» — в пещере у подножия Скалы Стражника, что в ущелье.

Описание самого ритуала было намеренно смутным, полным аллегорий: «обмен дыханием в месте, где не светит солнце», «клятва, скреплённая не кольцом, а укусом», «пробуждение древней крови в жилах новой». Но одно было ясно: это был не акт насилия. Это был союз. Или жертвоприношение — в зависимости от точки зрения.

Я откинулась на стуле, пытаясь перевести дух. Зимнее солнцестояние. Оно было... через три дня. 21 декабря. Преддверие Рождества. Время, когда, согласно бесчисленным мифам, тени становятся длиннее, а магия — сильнее.

Он знал. Знал, что я найду это. Он хотел, чтобы я это нашла. Вёл меня по лабиринту прямо к этой точке. И самый пугающий вопрос был не в том, что он замышлял. А в том, что я чувствовала. Помимо ужаса, я чувствовала... непреодолимое влечение. Любопытство, переходящее в одержимость. Что, если это правда? Что, если я и есть та самая «кровь»? Что, если этот ритуал — не сказка, а ключ? К нему. К разгадке. К чему-то такому, что лежало за гранью любого академического открытия.

Я слышала шаги. Медленные, уверенные. Я не обернулась, потому что знала, кто это.

Он остановился позади меня, за моим стулом. Я чувство-

вала его холод, его взгляд на затылке.

— Ну? — произнёс он. — Что вы думаете о местном фольклоре?

— Он... весьма специфичен, — сказала я, не отрываясь от страницы. — И очень своевременен. Солнцестояние совсем скоро.

— Да, — согласился он. Его руки легли на спинку моего стула по обе стороны от меня. Он не касался меня, но я была в его кольцо. — Интересное совпадение, не правда ли?

— В этом доме нет совпадений, — прошептала я.

— Умная девушка, — его голос прозвучал прямо у моего уха. — Так что же вы решили? Бежать прочь, пока не поздно? Или... удовлетворить своё научное любопытство до конца?

Я наконец повернула голову и посмотрела на него. Его лицо было серьёзным, но в глазах горел тот же самый огонь, что и вчера в темноте.

— Вы предлагаете мне стать участником полевого исследования? — спросила я, и мои слова прозвучали вызывающе.

— Я предлагаю вам увидеть то, о чём вы читаете. Место. Скалу Стражника. Пещеру. Без этого... это всего лишь слова на бумаге. Вы же хотите правды, Ирэн?

Он снова назвал меня по имени. И в этот раз это прозвучало как вызов на дуэль.

— А это безопасно? — спросила я, зная, какой абсурдный

это вопрос.

Он усмехнулся, но в его усмешке не было веселья.

— Нет. Ничего связанного с этой правдой не безопасно. Но я буду с вами. Я знаю тропы. И... не позволю обычным опасностям этого леса причинить вам вред.

«Обычным опасностям». Какие же тогда необычные? Я посмотрела на его руки, сжимающие спинку стула.

Длинные, бледные, сильные. Руки, которые могли как защитить, так и разорвать.

— Когда? — односложно спросила я.

— Завтра, на рассвете. Дорога неблизкая, и нам нужно успеть вернуться до темноты. — Он отступил на шаг, освобождая меня из невидимых объятий. — Оденьтесь тепло. Очень тепло. Там, в ущелье, холод проникает в кости.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Калёб, — остановила я его. Он обернулся, бровь возпросительно взметнулась вверх. — Зачем? Зачем вы показываете мне это?

Он долго смотрел на меня, и в его взгляде бушевала целая буря. Наконец, сказал тихо, почти про себя:

— Потому что я устал быть стражем у пустых врат. Потому что, если ты и есть ключ..., то лучше знать это наверняка. Даже если ключ сломается в замке.

Он ушёл, оставив меня с этой фразой, которая звенела в тишине громче любого признания. «Если ты и есть ключ». Он перешёл на «ты». Всё стало предельно личным. И реаль-

НЫМ.

Остаток дня прошёл в лихорадочных приготовлениях. Я отыскала госпожу Лакти и попросила самое тёплое снаряжение, какое нашлось в замке. Та, не задавая лишних вопросов, с каменным лицом принесла мне тяжёлые меховые сапоги, штаны из оленьего меха, огромную дублёнку и шапку. Всё было старым, но качественным, и пахло мятой и кедром — запахом, отгоняющим моль, а может, и не только её.

Вечером я не могла усидеть на месте. Я вышла во внутренний двор, под огромную, сияющую ёлку. Снег падал беззвучно, большими хлопьями. Замок, подсвеченный изнутри, выглядел как гигантская, сложная игрушка из тёмного шоколада. Красиво. Смертельно красиво.

Внезапно я почувствовала, что за мной наблюдают. Я обернулась. В одном из высоких окон башни, того самого, что он называл своим кабинетом, стояла тёмная фигура. Калёб. Он не двигался, просто смотрел вниз, на меня во дворе. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть выражение его лица, но я знала, что он видит меня. Я подняла руку, не зная зачем — может, помахать, может, просто жестом признать его присутствие. Он не ответил. Через мгновение отошёл от окна, и оно стало чёрным, пустым квадратом в стене.

Но это мимолётное соединение взглядов через снежную пелену было как ещё одно прикосновение. Как молчаливое подтверждение договора. Завтра мы отправляемся вместе в

самое сердце его тайны. И я, как дурочка, как учёная мотылька, летела на этот огонь.

Перед сном я достала из ящика свой «чемоданчик паранойи». Серебряный свисток, флягу со святой водой, мешочек профессора. Я долго смотрела на них, потом, с резким вздохом, сунула обратно. Всё, кроме мешочка. Его я засунула в карман дублёнки. На удачу. Или в качестве последнего, жалкого аргумента, если всё пойдёт не так.

Я легла, но сон не шёл. Я думала о пещере. О тёмном, холодном пространстве под скалой. О нём, рядом со мной в этой темноте. Что произойдёт там? Он покажет мне наскальные рисунки? Или... случится нечто из хроник?

Я положила ладонь на своё горло, нащупала пульсацию сонной артерии. Кровь. *«Кровь, не отравленная страхом»*. Я боялась? Да. До дрожи. Но этот страх был острым, почти эйфорическим. Он не парализовал. Он звал вперёд.

Я думала о его словах: «устал быть стражем у пустых врат». Какие врата? Врата между жизнью и смертью? Между человеческим и чем-то иным? И что значит — «ключ сломаётся в замке»? Моя смерть? Или моё... превращение?

Последней мыслью перед тем, как я наконец провалилась в беспокойный сон, было: а что, если я не хочу быть просто исследователем? Что, если я хочу быть частью легенды? Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Глава 9.

ИРЭН

Рассвет 20 декабря не наступил — он лишь слегка разбавил черноту ночи до оттенка мокрого пепла. Я стояла у главных ворот, кутаясь в тяжёлую дублёнку, моё дыхание вырывалось густыми облачками. мех на капюшоне слегка колот щёки. В руках — старинные, но прочные деревянные снегоступы, которые дала госпожа Лакти.

Он появился беззвучно, как и всегда. В аналогичном моему снаряжении — длинная тёмная парка с меховой оторочкой, рюкзак за плечами. На нём — не снегоступы, а широкие лыжи. Его лицо в полумраке казалось высеченным из того же камня, что и стены замка.

— Готовы? — его голос был низким и резким, нарушая утреннюю тишину.

Я кивнула, не доверяя голосу. Страх и предвкушение сковали горло.

Мы вышли за ворота, которые бесшумно закрылись за нами, отрезав последнюю нить к условной безопасности. Лес встретил нас немой, снежной глушью. Воздух был таким холодным, что обжигал лёгкие. Калёб двинулся вперёд уверенно, его лыжи оставляли на нетронутом снегу ровные, параллельные борозды. Я, спотыкаясь, надела снегоступы и поплелась следом.

Первые полчаса шли молча. Звуков почти не было — только хруст снега под ногами, моё тяжёлое дыхание и свист ветра в верхушках сосен. Лес был древним, первозданным. Сосны стояли как чёрные, застывшие великаны, их ветви прогибались под тяжёлыми шапками снега. Иногда с ветки срывалась снежная пыль, похожая на призрачный вздох.

Я шла, уткнувшись взглядом в его спину, стараясь повторять его движения. Моё тело быстро согрелось от нагрузки, но внутри оставалась ледяная дрожь — не от холода. От осознания, куда и с кем я иду.

— Держитесь левее, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Там под снегом ручей. Лёд ненадёжный.

Я послушно сместилась. Его забота о моей безопасности была противоестественной и тревожной. Хищник, оберегающий добычу? Или... что-то ещё?

— Вы часто приходите сюда? — спросила я, чтобы разрядить тишину, давящую тяжелее снега.

— Часто, — коротко ответил он. Помолчав, добавил: — Это место... напоминает о том, что было до стен и книг. О настоящей силе. И о настоящей цене.

— Какая цена? — не удержалась я.

Он остановился, обернулся. Его лицо в сером свете предрассветья было нечитаемым.

— Вечность из легенд — это не дар, Ирэн. Это приговор. Сначала ты теряешь вкус еды. Потом — тепло солнца. Потом сны. В конце концов, ты начинаешь забывать, как пах-

нет дождь на горячей земле. Как бьётся живое сердце рядом. Остаётся только холод. И голод. И память, которая превращается в проклятие.

Он говорил тихо, но каждое слово падало в снег с весом свинцовой печати. Это было не жалобой. Это был отчёт. Исповедь, вырванная у леса и утра.

— И вы всё ещё ищете способ это... исправить? — спросила я, подбираясь ближе к сути ритуалов.

— Нет, — он резко повернулся и снова зашагал. — Я ищу способ закончить. Или... найти причину продолжать. Хроники дают надежду. Глупую, детскую, но надежду.

«*Кровь, не ведающая страха*». Я шла за ним, переваривая его слова. Он искал либо избавления от вечности из легенд, либо того, кто сделал бы эту вечность выносимой. И я, со своей кровью и своим знанием, была кандидатом. Добровольным подопытным кроликом в эксперименте, исход которого не знал никто.

Мы углубились в ущелье. Скалы сомкнулись над нами, небо стало узкой синей щелью. Здесь было темнее, холоднее. Ветер стих, зато появился звук — низкий, непрерывный гул. То ли ветер в расщелинах, то ли подземная река.

— Скала Стражника, — сказал Кaleb, останавливаясь.

Я подняла голову. Перед нами вздымалась чудовищная каменная глыба, похожая на профиль гигантского, спящего воина. На его «груди», в самом низу, зиял чёрный провал — вход в пещеру. Он был неестественно правильным, почти

арочным. Казалось, его вырубili, а не создала природа.

— Здесь, — сказал Калеб, скидывая лыжи. — Далее пешком.

Мы подошли ко входу. Изнутри потянуло сырым, минеральным холодом и чем-то ещё — сладковатым, гнилостным запахом старой листвы и... меди? Моё сердце заколотилось. Я невольно отступила на шаг.

Он заметил.

— Можно не заходить, — сказал он, и в его голосе не было ни вызова, ни насмешки. Была усталость. — Ты можешь повернуть назад сейчас. Вернуться в замок, просидеть там до весны, написать свою диссертацию и уехать. Забыть обо всём этом.

Он снова сказал «ты». И предложил выход. Последний. Я посмотрела на чёрный провал пещеры. На него. И поняла, что мой выбор был сделан давно — ещё в Праге, в тот миг, когда я отправила то дерзкое письмо.

— Я пришла за правдой, — повторила я своё кредо, но теперь оно звучало как клятва.

— Правда может быть тёмной и совсем не той, что ты ждёшь, — предупредил он.

— Тогда мне понадобится свет, — я достала из кармана мощный фонарь, который тоже выдала госпожа Лакти.

Уголок его рта дрогнул.

— Хорошо. Тогда держись рядом. И не трогай стены. Они... помнят прикосновения.

Он вошёл первым, скользя в темноту, как тень. Я, пересилив дрожь в ногах, последовала за ним.

Внутри было просторнее, чем казалось снаружи. Луч моего фонаря выхватывал стены, покрытые странными, волнообразными наплывами камня. Воздух был неподвижным и тяжёлым. Мы шли по наклонному тоннелю вниз. Через несколько десятков шагов тоннель вывел в круглую залу. И тут я ахнула.

Стены залы были покрыты росписями. Не древними, охристыми рисунками зверей, а сложными, детализированными фресками, выполненными чёрной, красной и серебряной краской. Они изображали сцены: люди в старинных одеждах, преклоняющие колени перед высокой фигурой в плаще; битвы под знамёнами с символами, которые я видела в хрониках; и ритуалы — чаши, ножи, и... укусы в шею. Краски были потускневшими, но удивительно сохранившимися.

— Это... — начала я.

— Летопись моего рода, — тихо сказал Калёб. Он стоял в центре залы, его лицо было обращено к самой большой фреске — изображению человека, принимающего чашу из рук тенистого существа. — Писалось веками. Каждое поколение добавляло свою главу. Последняя... датирована началом XVIII века.

— Почему остановились? — прошептала я.

— Потому что нечего стало добавлять, — он обернулся ко

мне. Свет фонаря падал на его лицо, делая его похожим на одну из этих старинных фресок — прекрасную и безжизненную. — Жизнь превратилась в ожидание. В повторение. В сборник одних и тех же ошибок. Искусство требует страсти. А страсть... угасает, когда время для тебя останавливается.

Снова эти непонятные высказывания. Почему это «время останавливается? Метафора?». Я подошла ближе к стене, рассматривая детали. Там, среди прочего, была сцена, поразительно похожая на описание из хроник: две фигуры в пещере, одна вливает что-то из чаши в губы другой. Надпись на латыни: «*Sanguis et Cognitio*» — «*Кровь и Познание*».

— Здесь, — сказал Кaleb, указывая на нишу в стене. В ней лежал предмет, покрытый вековой пылью. Я направила туда свет. Это была чаша. Не золотая и не серебряная, а вырезанная из тёмного, почти чёрного камня, с примитивными рунами по ободку.

Он не стал её трогать. Просто смотрел.

— Завтра ночью, — сказал он так тихо, что я скорее угадала, чем услышала, — здесь, согласно легенде, сила границы будет максимальной. Именно тут... происходили попытки.

— Попытки чего? — спросила я, хотя знала ответ.

— Разорвать круг. Обрести либо смерть, либо... не смерть. Нечто иное. — Он посмотрел на меня, и в его глазах впервые за всё время я увидела не холод, а боль. Настоящую, человеческую боль. — Все они... те, чья кровь считалась

подходящей... либо сходили с ума от страха в последний момент, либо их кровь оказывалась... неподходящей. Она не пела. Она кричала. И заканчивалось это только смертью.

Я посмотрела на чашу, потом на него.

— А как понять... поёт ли кровь?

Он медленно подошёл ко мне. Мы стояли в центре пещеры, под сводами, расписанными историей проклятия из легенды.

— Я слышу её песню уже сейчас, Ирэн, — прошептал он.

— С того момента, как ты вошла в мой дом. Она звучит в тишине, когда ты спишь. Она отзывается в моей собственной, мёртвой крови. Завтра... завтра я смогу услышать её истинную мелодию. И ты тоже. И тогда ты должна будешь выбрать. Добровольно поднести эту чашу... или разбить её о камни и бежать.

Он протянул руку, как будто желая коснуться моей щеки, но остановился в сантиметре.

— Я не заставлю тебя. Никогда. В этом и есть суть. Страх отравляет. Должна быть только воля. И знание.

Я смотрела в его глаза, в эту бездну тоски и надежды, и чувствовала, как что-то во мне откликается. Не разум. Что-то глубже. Кровь? Душа? Я не знала. Но этот зов был сильнее любого страха.

— Я буду здесь, — сказала я, и мои слова прозвучали как обет.

Он закрыл глаза, будто от боли, или от облегчения. Когда

открыл, в них было что-то новое. Нежность? Нет, слишком сильное слово. Признание.

— Тогда нам нужно возвращаться. Солнце садится рано. И тебе нужно отдохнуть перед... перед ночью.

Обратный путь казался короче. Мы почти не разговаривали. Груз того, что было сказано и решено, давил сильнее усталости. Когда замок показался между деревьев, освещённый уже вечерними огнями, я ощутила не облегчение, а странную ностальгию по той тёмной пещере, где всё было честно и просто. Где не было масок, а были только фрески, чаша и наша общая, нависшая над бездной, судьба.

Госпожа Лакти встретила нас в прихожей. Она окинула меня своим испытующим взглядом, потом перевела его на Калеба. Между ними пробежало безмолвное понимание.

— Ужин в вашей комнате, мисс, — сухо сказала она. — И горячая ванна приготовлена.

Я кивнула и побрела к себе. Заходя в комнату, я обернулась. Кaleb стоял у лестницы, ведущей в его башню. Он смотрел на меня. И в этот раз в его взгляде не было ни ледяной отстранённости, ни хищного голода. Была тихая, невыносимая благодарность. И страх. Он боялся за меня. Возможно, впервые он боялся за кого-то.

Дверь закрылась. Я осталась одна. Завтра — солнцестояние. Самая длинная ночь в году. Ночь, когда решатся все загадки. Или их станет ещё больше.

Я вытащила мешочек профессора из кармана. Он был

тёплым от тепла моего тела. Развязала шнурок и высыпала смесь на ладонь. Соль, серебро, травы. Защита от нежити. Я смотрела на эту кучку, потом на дверь, за которой был он. Потом подошла к камину и высыпала содержимое в огонь. Пламя на миг вспыхнуло зелёным, затем снова стало жёлтым.

Мне не нужна была защита от него. Мне нужна была правда. Даже если она сожжёт меня дотла.

Глава 10.

ИРЭН

Двадцать первое декабря. День солнцестояния висел в воздухе не календарной датой, а физическим ощущением — как предгрозовая тишина, но в тысячу раз глубже. Весь замок, казалось, затаил дыхание. Даже госпожа Лакти двигалась тише обычного, а её взгляд, скользя по мне, стал ещё более непроницаемым.

После завтрака, который я ела в одиночестве (Калёб, как обычно, отсутствовал), я не пошла в библиотеку. Вместо этого отправилась в свою комнату и достала свой «набор параноика». Серебряную фляжку, мешочек с солью и травами, зеркальце. Положила их на стол и смотрела, как утренний свет играет на металле.

Рациональная Ирэн насмеялась: «Ты собралась на экскурсию или на экзорцизм?». Но та Ирэн, что видела сны и чувствовала его взгляд на своей коже, молчала. Она знала, что сегодня ночью мы пересечём какую-то грань. И ей хотелось иметь в кармане хоть что-то, напоминающее о мире здравого смысла.

Я взяла только мешочек профессора Эмиля и сунула его в карман тёплых штанов. На удачу. Или как талисман против собственного безумия.

Вечером он пришёл за мной. Мы снова шли по лесной

тропе, но на этот раз — в крошечной, почти осязаемой темноте. Он нёс мощный фонарь, луч которого выхватывал из мрака причудливые очертания замёрзших деревьев, похожих на кричащих призраков. Мы не разговаривали. Давление того, что должно было случиться, было сильнее слов.

Пещера встретила нас ледяным дыханием. Внутри Калёб зажёл несколько факелов, вделанных в стены. Огонь оживил фрески, и они зашевелились в пляшущих тенях. Я замерла на пороге, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Это место было живым в самом древнем, магическом смысле слова. Воздух вибрировал низкой, неслышной нотой.

Он поставил на плоский камень-алтарь ту самую каменную чашу.

— Солнцестояние, — сказал он, и его голос был странно глухим, будто вбирал в себя эхо пещеры, — это время, когда завеса между мирами становится тоньше. Время, когда можно... услышать то, что обычно скрыто.

— Услышать что? — спросила я, не отрывая взгляда от чаши.

— Правду. О себе. О других. О связях, которые существуют вне логики и времени. — Он подошёл ко мне. В свете факелов его лицо казалось высеченным из тёмного янтаря. — Ритуал, описанный в хрониках... он не о крови как о жидкости. Он о сути. О том, что кровь переносит. О памяти. О самой душе.

Он говорил загадками, но теперь они звучали не как укло-

нение, а как инструкция, которую можно понять только сердцем, а не умом.

— Что нужно делать? — прошептала я.

Он взял мою руку. Его прикосновение, как всегда, было холодным, но на этот раз я почувствовала под холодом странную, сдерживаемую вибрацию. Как будто вся его невозмутимость была тонкой коркой льда над бурлящей бездной.

— Довериться, — сказал он просто. — И наблюдать. Ритуал совершает не человек, а сама ночь. Мы лишь... свидетели. И участники.

Он подвёл меня к центру пещеры, туда, где сходились тени от всех фресок. Потом достал из кармана маленький, изогнутый ритуальный нож из тёмного камня.

— Не бойся, — сказал он, увидев, как я отшатнулась. — Это не для тебя.

Он провёл лезвием по собственной ладони. Я ждала увидеть кровь. Но из тонкой линии выступила лишь тёмная, почти чёрная жидкость, густая, как смола. Она не капала, а медленно сочилась. Он собрал несколько капель в чашу.

Потом взял мою руку. Его взгляд вопрошал. Я, преодолевая дрожь, кивнула. Острый холодок — и на моей ладони выступила ярко-алая капля. Он аккуратно соединил наши руки над чашей, чтобы наша кровь смешалась.

Его — тёмная и густая. Моя — яркая и живая.

И тут началось.

Сначала ничего. Только тишина и треск факелов. Потом

чаша в его руках задрожала. Из неё поднялся лёгкий, сизоватый пар. И земля под нашими ногами... дрогнула. Не сильно. Словно гигантский зверь под камнями перевернулся во сне.

Я вскрикнула и схватилась за его руку. Он стоял недвижим, его глаза были закрыты. На его лице было выражение такой мучительной концентрации, будто он слушал голос из самого сердца горы.

Воздух в пещере сгустился, запахло озоном, как после грозы, и тем сладковатым, металлическим ароматом, что я чувствовала от него. Фрески на стенах вдруг вспыхнули — не огнём, а внутренним, призрачным светом. Сцены на них задвигались: фигуры словно ожили, их жесты стали плавными, полными смысла.

А потом я услышала.

Не ушами. Всей кожей, каждым нервом.

Гул. Низкий, мощный, исходящий отовсюду. Как пение самой земли. И в этом гуле... голоса. Шёпот на забытых языках. Стоны. Смех. И один голос, пробивающийся сквозь толщу времени — его голос, но другой, полный боли и отчаяния, произносивший слова на латыни: «...*per sanguinem et voluntatem...*» (кровью и волей).

Я смотрела на Калеба. Его губы не двигались, но я была уверена, что это его голос из прошлого. Это была его клятва. Его родовое проклятие.

Чаша в его руках засветилась изнутри тусклым багровым светом. Он открыл глаза. Они были не серыми, а совсем свет-

лыми, почти белыми, и в них отражалось пламя факелов, превращая их в две крошечные, пылающие вселенные. В них не было ничего человеческого. Была древность. И сила. И бесконечная, всепоглощающая грусть.

— Видишь? — прошептал он, и его голос был тем же, что и в гуле, — вот она. Правда.

И в этот миг я не просто пыталась осмыслить подозрения. Я уже знала. Все странности, все намёки, все сны — всё сложилось в единую, невозможную, ослепительную картину. Кaleb Вейн не был богатым чудачком, одержимым легендами. Он был самой легендой. Плоть от плоти тех существ, о которых я писала диссертацию. Всё было правдой. Солнцестояние, пещера, кровь — всё сработало как ключ, открывший дверь, за которой скрывался не миф, а живой, дышащий ночью кошмар. И очарование.

Я не испугалась. Во мне не было места страху. Его вытеснил шок такого масштаба, что он парализовал всё, кроме способности наблюдать. Я смотрела на это прекрасное, нечеловеческое лицо, на светящуюся чашу в его руках, на наши смешанные капли крови на её дне, и думала только одно: «Так вот ты какое. Настоящее...».

Дрожь земли стихла. Свет на фресках погас. Чаша в его руках стала просто камнем. Он тяжело дышал, как после невероятного усилия, и его глаза постепенно возвращали свой обычный, стальной оттенок. В них появилось беспокойство. Он посмотрел на меня, ожидая крика, истерики, бег-

СТВО.

Я выдернула свою руку из его хватки. Не потому, что боялась прикосновения. Мне нужно было пространство, чтобы осознать. Я сделала шаг назад, потом ещё один. Моя спина упёрлась в холодную стену пещеры.

— Ты... — начала я, но голос сорвался.

— Да, — ответил он тихо, безжалостно отрезая все пути к отступлению в мир иллюзий. — Я — то, о чём ты читала. То, что ты искала. Не на страницах. В плоти.

Он поставил чашу на камень и сделал шаг ко мне, но остановился, увидев, как я вжимаюсь в стену.

— Я не причиню тебе вреда, Ирэн. Никогда. Теперь ты это знаешь. Всё.

«Всё». Это слово было слишком огромным, чтобы его вместить. Я медленно сползла по стене на пол, обхватив колени руками. Камни были ледяными, но я почти не чувствовала холода. Внутри всё горело. Горело знанием.

Он не подошёл. Сел на пол напротив, на почтительном расстоянии, поджав ноги и сложив скрещенные руки на коленях. Ждал. Его силуэт в полумраке был похож на огромную, уставшую птицу, сложившую крылья.

Мы сидели так, может, минуту, может, час. Пока моё дыхание не выровнялось, а мысли не перестали метаться, как перепуганные мыши.

— Сколько? — наконец выдохнула я.

— Триста семьдесят четыре года, — ответил он без коле-

баний. — Я перестал считать дни... лет двести назад.

Триста лет. Он видел эпохи. Он пережил империи. И всё это время... он был здесь. В этих горах. В этом замке. Один.

— Почему... почему показал мне? Почему не прогнал?

— Потому что ты не испугалась, — сказал он просто. — Не по-настоящему. Ты пришла сюда не за сенсацией. Ты пришла за истиной. И я устал от лжи. Даже той, что спасает. — Он помолчал. — И потому что... твоя кровь. Когда она смешалась с моей... земля отозвалась. Такого не было никогда, я будто чувствовал, что так и будет. Как предначертано уже давно.

Я подняла голову и посмотрела на свою ладонь. Ранка уже почти затянулась, осталась лишь тонкая розовая линия. Как и на его руке.

— И что это значит? — прошептала я.

— Не знаю, — честно признался он. — Легенда говорит об «истинной паре». О крови, которая может разорвать проклятие или... завершить его. Я никогда не верил. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Я смотрела на него, на это древнее, измученное, но такое прекрасное лицо, и чувствовала не ужас, а огромную, вселенскую жалость. И что-то ещё. Что-то, что тянуло меня к нему, несмотря на всё. Не как исследователя к объекту. Как... женщину к мужчине, заточённому в бесконечной ночи.

— Что теперь? — спросила я, и в голосе моём звучала не

паника, а усталость от переизбытка истины.

— Теперь, — он медленно поднялся и протянул мне руку, — мы возвращаемся в замок. А утром... ты решаешь. Остаться и узнать больше. Или уехать, и я позабочусь, чтобы ты забыла этот лес, эту пещеру... и меня.

Я посмотрела на его протянутую руку. Холодную. Руку существа из моих кошмаров и, возможно, из моих самых потаённых фантазий. Я взяла её. Он помог мне подняться. Его пальцы сжали мои на мгновение крепче, чем нужно, потом отпустили.

Обратный путь был тихим. Знание висело между нами тяжёлым, но уже не враждебным плащом. Он вёл меня, а я шла, погружённая в ошеломляющую тишину собственных мыслей. Мир перевернулся. И я ещё не знала, как жить в этом новом, перевёрнутом мире. Но одно знала точно: убежать и забыть — уже не получится. Потому что истина, однажды увиденная, не стирается. Она меняет тебя навсегда.

Глава 11.

ИРЭН

Рассвет 22 декабря застал меня не в своей постели, а в кресле у камина в моей комнате. Я не могла уснуть. Перед глазами всё стояли кадры, как в лихорадочном кино: светящиеся фрески, дрожь земли, его глаза, лишённые всего человеческого... и его голос, признающийся в веках.

Я смотрела на свои руки. На левой ладони — едва заметная розовая полоска. Доказательство. Неопровержимое. Всё, что я изучала как метафору, оказалось буквальным. Вампиры существуют. И один из них — Калёб Вейн — сейчас, наверное, скрывается в своей башне от первых лучей солнца, о которых он, должно быть...

Меня вдруг осенило. Солнце. Я резко вскочила и подбежала к окну. Низкое зимнее солнце только что выползло из-за гор, заливая внутренний двор замка холодным, ясным светом. Оно касалось камней, снега, веток ели... Но для него это было смертельно? Значит ли это, что сейчас он... страдает? Прячется в каком-то подземелье?

Необъяснимое чувство тревоги кольнуло меня под ложечкой. Не страха за себя. Беспокойства о нём. Это было абсурдно. Беспокоиться о хищнике. Но он не был просто хищником. Он был... Калёбом. Тем, кто играл ноктюрны, коллекционировал книги, смотрел на меня с такой тоской, что

сердце сжималось.

Я медленно отошла от окна. Мне нужно было привести мысли в порядок. Я — учёный. Даже перед лицом... этого. Я открыла блокнот, взяла ручку. И начала записывать.

«22 декабря. Наблюдения после события в пещере (солнцестояние).

1. Подтверждено: объект исследования (К.В.) является экземпляром, соответствующим описаниям класса «нежить/вампир» в карпатском фольклоре.

2. Метод подтверждения: участие в ритуале с элементами симпатической магии (смешение крови), сопровождавшемся паранормальными явлениями (сейсмическая активность, фосфоресценция артефактов, аудио-галлюцинации исторического характера).

3. Личная реакция: шок, замещение страха научным интересом и... (записать позже, требуется самоанализ).

4. Вопросы для дальнейшего исследования: физиология, диета, уязвимости, социальная структура вида, возраст, история превращения...»

Я остановилась, глядя на последний пункт. «Диета». Это означало кровь. Человеческую кровь. Чью кровь он пил все эти годы? Слуг? Случайных гостей? Мысль вызвала приступ тошноты. Но тут же вспомнилось его лицо в пещере, когда он сказал: «Я не причиню тебе вреда». Он говорил это с такой убеждённостью, будто это был священный обет. Верить ли монстру?

В дверь постучали. Я вздрогнула. «Войдите», — выдавила я.

Вошла не служанка, а госпожа Лакти. Она несла поднос с завтраком, но её взгляд был пристальным, изучающим.

— Хозяин просил передать, — сказала она, ставя поднос на стол, — что он будет в библиотеке после полудня. Если у вас будут... вопросы.

Она подчеркнула последнее слово. Она знала. Конечно, знала. Она, наверное, знала всё с самого начала.

— Он... в порядке? — не удержалась я спросить.

Уголок её губ дёрнулся. Было ли это одобрением?

— Хозяин отдыхает. Полуденное солнце для него... неприятно. Но не фатально, если не находиться под прямыми лучами. Он будет благодарен за беспокойство.

Все подтвердилось после ее слов. И эта верность ему не была слепой — она была основана на знании всей правды. Это что-то меняло. Если даже она, живой человек, могла служить ему десятилетия...

— Спасибо, — сказала я. Лакти кивнула и вышла.

Я попыталась позавтракать, но еда казалась безвкусной. Весь мир потерял краски, стал чёрно-белым на фоне ослепительной, ужасающей правды, которая теперь жила со мной под одной крышей.

Ближе к двум часам я набралась смелости и спустилась в библиотеку. Он уже был там. Сидел за большим столом, в тени, вдали от окон. На нём был тёмный свитер, и он выгля-

дел... бледнее обычного. Слабее? Или это было моё воображение?

— Ирэн, — он кивнул, приглашая сесть. Его голос был ровным, но в нём слышалась усталость. — Я надеялся, ты придёшь.

Я села напротив, кладя блокнот на стол между нами, как щит.

— У меня есть вопросы, — сказала я официально.

— Предполагал, что будут, — он откинулся на спинку стула. — Задавай. На все, кроме одного — имени того, кто сделал меня таким. Это не моя тайна.

Я открыла блокнот.

— Физиология. Солнце?

— Ослабляет. Выжигает силу. Длительное воздействие под прямыми лучами... болезненно и в конечном счёте фатально. Но не мгновенно. Я не вспыхну, как в кино. Просто... высохну, как старый пергамент.

— Серебро?

— Яд. Нарушает связь между сознанием и телом. Как паралич. В высоких концентрациях — смерть.

— Чеснок, святая вода, кресты?

— Сила веры. Если человек верит, что это повредит мне, его психическая энергия может причинить... дискомфорт. Как ожог. Но сам по себе чеснок просто пахнет отвратительно.

Он отвечал чётко, без колебаний, как профессор на лек-

ции. Это помогало. Я делала пометки.

— Диета, — произнесла я следующее слово, не поднимая глаз.

Воцарилась пауза. Я почувствовала, как напряжение в воздухе возросло.

— Кровь, — сказал он тихо. — Жизненная сила. Без неё... слабость, помутнение рассудка, впадение в оцепенение. Но я не убиваю. Я никогда не убивал для пропитания. Существуют... договорённости. Добровольные доноры. Медицинские банки крови, что в наше время значительно упрощает дело. — Он посмотрел на меня. — Последний раз я пил прямо из источника... больше пятидесяти лет назад. И это была женщина, которая сама искала такого опыта. Я не охотник, Ирэн. Я — затворник, который научился выживать, не причиняя зла.

Я поверила ему. Не знаю почему. Может, из-за боли в его голосе. Может, из-за того, как он сказал «затворник».

— Почему ты показал мне всё это? — спросила я, наконец поднимая глаза.

— Потому что ты была права, — он облокотился на стол, сближаясь. — Ты сказала, что ищешь не Минотавра, а выход из лабиринта. Я.. я и есть лабиринт, Ирэн. И я устал в нём блуждать один. Ты вошла, и что-то... дрогнуло. В ритуале. Такое случается впервые. Я должен был узнать, что это значит. Даже если это означало напугать тебя до смерти.

— Я не напугана, — сказала я, и это была почти правда.

Страх отступил, уступив место чему-то огромному и неизведанному. — Я... ошеломлена.

— Это честно, — он позволил себе лёгкую, усталую улыбку. — Ирэн, впереди Новый год. В этом замке будет бал. Люди, свет, шум. — Он помолчал. — Я хочу спросить тебя... останешься ли ты? Не как пленница. Как... свидетель. Как тот, кто знает. Чтобы посмотреть, как выглядит моя маска со стороны. И чтобы решить, хочешь ли ты видеть, что под ней.

Новогодний бал. Праздник жизни, света, надежды. А он, существо ночи, собирался его устраивать. И приглашал меня — не как даму сердца, а как соучастника своей многовековой лжи перед миром. Это был ещё более интимный жест, чем откровение в пещере.

— А если я решу уехать? — проверила я его.

Он закрыл глаза на мгновение, будто представляя себе эту картину.

— Тогда я дам тебе все материалы, какие ты захочешь. Обеспечу финансирование твоих дальнейших исследований где угодно. И попрошу только об одном — хранить мою тайну. Не для моей безопасности. Для безопасности тех, кто здесь служит, кто зависит от этого места. И для... твоего же спокойствия. Знание привлекает внимание не только учёных.

Он думал не только о себе. Это трогало.

— Мне нужно время, — сказала я.

— У тебя оно есть. До бала. До Нового года.

Он встал и подошёл к одному из шкафов, достал старую, большую книгу в кожаном переплёте.

— А пока... вот. Мой личный дневник. Первые сто лет. Там нет сенсаций. Только скука, тоска и попытки понять, что со мной произошло. Если хочешь... прочти. Чтобы увидеть монстра не в момент силы, а в момент его самого жалкого и человеческого состояния.

Он положил книгу передо мной. Это был акт невероятно-го доверия. Я прикоснулась к потёртой коже.

— Спасибо, — прошептала я.

Он кивнул и направился к выходу. У двери обернулся.

— И, Ирэн? Не читай на солнце. Чернила... выцвели.

Он ушёл. Я осталась одна с его дневником, с блокнотом, заполненным вопросами о нежити, и с диким, непонятным чувством в груди, которое было совсем не похоже на страх. Оно было похоже на предвкушение. Предвкушение нового, тёмного, невероятного приключения.

И на острое, почти болезненное любопытство — не к легенде, а к тому, кто её пил, жил и страдал триста семьдесят четыре года.

Я открыла первую страницу дневника. Потёртые чернила, красивый, старомодный почерк. Первая запись: *«Сегодня я окончательно понял, что никогда больше не увижу закат. Только рассветы. И каждый из них отнимает у меня часть сил. Я ненавижу рассветы...»*

Я читала, и по щеке скатилась слеза. Не от жалости. От

причастности. Я прикоснулась к тайне. И тайна, оказалось, была бесконечно одинокой и печальной. И от этого — ещё более манящей.

Глава 12.

ИРЭН

Я просидела с его дневником до глубоких сумерек. Библиотека погрузилась в мягкий мрак, но я не зажгла свет. Слова на страницах светились своим собственным, призрачным светом в моём сознании.

Это была не хроника вампира-убийцы. Это была исповедь человека, который медленно терял себя. Первые записи были полны отчаяния и физиологических наблюдений: *«Теплая кровь оленя вызывает рвоту. Только человеческая... утоляет. Господи, что со мной?»*; *«Зеркало не отражает. Я поднес к нему свечу — только пламя, парящее в пустоте. Я плакал, но слёз не было.»*

Потом пришло время экспериментов и попыток адаптации. Он описывал, как учился контролировать голод, как нашёл первого «добровольца» — солдата, умирающего от ран, который в обмен на «быстрый конец» отдал ему свою кровь. Была в этих записях леденящая, отстранённая нежность: *«Он улыбался, когда терял сознание. Говорил, что не больно. Я надеюсь, он не лгал.»*

Сердцем дневника, его самой потрёпанной частью, была история об Эльзе. Он писал о ней не как о жертве, а как о надежде. *«Она из рода хранителей. Знает старые легенды. Говорит, что моя кровь "поёт печальную песню". В её присут-*

ствии голод... отступает. Заменяется чем-то иным. Тоской по теплу?» Записи становились лиричнее, человечнее. А потом — резкий, размазанный кляксой переход. «ОНА УМЕРЛА. НЕ ОТ УКУСА. ОТ СТРАХА. ЕЁ СЕРДЦЕ РАЗОРВАЛОСЬ МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ КО МНЕ И УЖАСОМ ПЕРЕД ТЕМ, ЧТО Я ЕСТЬ. Я ЕЁ УБИЛ. НЕ КЛЫКАМИ. СВОЕЙ СУТЬЮ.»

После этого тон дневника изменился навсегда. Появилась та самая ледяная, отточенная веками сдержанность, которую я видела в нём в первые дни. Он больше не искал «истинную пару». Он строил свою крепость-тюрьму, коллекционировал книги как последнюю нить к человечеству, создавал фонд — чтобы хоть как-то оправдать своё вечное существование в глазах мира.

Я закрыла последнюю страницу, чувствуя себя так, будто прожила несколько жизней. И всё это время за окном шла обычная, предновогодняя жизнь замка. Доносились звуки: скрип тележек с припасами, отдалённые голоса слуг, украшавших холлы гирляндами. Мир продолжался, солнечный и наивный, в то время как я держала в руках историю вечной ночи.

Когда я наконец поднялась, у меня затекли ноги. В коридорах уже горели огни. Я шла к себе, но ноги сами понесли меня в сторону бального зала. Дверь была приоткрыта. Я заглянула внутрь.

Зал преображался. Слуги на высоких стремянках разве-

шивали на стенах венки из еловых лап, шишек и алых лент. В центре устанавливали огромную, почти до потолка, рождественскую елку. Воздух пах хвоей, воском и свежей полиролью. И посреди этого хаоса, отдавая тихие, чёткие распоряжения, стоял он.

Калёб.

Он был в обычных брюках и свитере, но держался с невозмутимым достоинством капитана на мостике корабля. Он указывал, куда поставить большой серебряный подсвечник, поправлял угол гирлянды. Видеть его таким — практичным, мирским, погружённым в бытовые мелочи — было сюрреалистично после прочитанного. Это была его маска. Искусно вылепленная, идеально подогнанная маска хозяина поместья. Но теперь я видела трещины. Видела, как его взгляд на мгновение теряется, глядя на пламя свечи, как будто вспоминая что-то недоступное. Видела, как его пальцы, поправляя ленту, касались её с такой осторожностью, будто боялись испортить хрупкую иллюзию праздника.

Он почувствовал мой взгляд. Повернулся. Наши глаза встретились через полупустой зал. На его лице не было удивления. Было что-то вроде усталой готовности. Он что-то сказал слуге и направился ко мне.

Я не убежала. Стояла, прислонившись к косяку, чувствуя, как подступает странная смесь благоговения и жалости.

— Ты прочитала, — констатировал он, не задавая вопроса.

— Да.

— И теперь видишь призрака за каждым жестом, — сказал он с лёгкой горечью.

— Нет, — возразила я. — Теперь я вижу... архитектора. Того, кто построил эту прекрасную, печальную сцену и вынужден каждый вечер играть в ней главную роль.

Он замер, его глаза сузились.

— Ты понимаешь больше, чем следовало бы.

— Это моя работа. Понимать.

Он посмотрел на суетящихся слуг, потом снова на меня.

— Пройдёмся? Здесь... неудобно.

Мы вышли в зимний сад — застеклённую галерею вдоль внутреннего двора. Здесь было тихо, прохладно и пахло влажной землёй и зимующими растениями. Луна, почти полная, серебрила снег за стеклами.

— Завтра начнут прибывать гости, — сказал он, глядя в ночь. — Будет шумно. Ты уверена, что хочешь остаться на этот... спектакль?

— Я хочу понять, как ты это делаешь, — призналась я. — Как ты живёшь среди них, не выдавая себя.

— Практика. Много практики. И вечная бдительность. Никогда не есть при людях. Избегать фотографий. Никогда не появляться на одном и том же мероприятии с одним и тем же внешним видом с разницей менее чем в десять-пятнадцать лет. Иметь безупречную легенду и безупречных людей, которые её поддерживают. Как Лакти.

— Она знает с самого начала?

— С самого начала её службы здесь. Её бабушка служила моей «матери». Такой вот семейный контракт. — Он повернулся ко мне. — Ты всё ещё можешь уйти, Ирэн. До того, как поднимется занавес. Это будет проще.

— А тебе будет проще? — спросила я прямо.

Он отвернулся, его челюсть напряглась.

— Нет. Но это не имеет значения.

— Имеет, — настаивала я. Я сделала шаг ближе, нарушая дистанцию. Теперь я чувствовала исходящий от него холодок, но он больше не пугал. Он был частью его, как запах старых книг. — Ты показал мне свою самую большую тайну. Ты доверил мне свою историю. Самую печальную её часть. Почему?

Он обернулся так резко, что я отпрянула. В его глазах вспыхнула та самая древняя, дикая сила, что я видела в пещере.

— Потому что я устал быть монстром в собственной истории! — вырвалось у него, голос был низким, полным сдерживаемой ярости. — Потому что, когда ты смотрела на меня там, в пещере, я видел в твоих глазах не ужас, а понимание! А когда ты читала мой дневник... я чувствовал, как ты переворачиваешь страницы. Здесь. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Я чувствовал твою боль за того мальчика, которым я был. Твою ярость за Эльзу. Это... этого не было никогда. Никто никогда не чувствовал со мной.

Он тяжело дышал, хотя ему не нужно было дышать. Это был чисто эмоциональный жест.

— И теперь, — продолжил он тише, — теперь я боюсь, что это лишь иллюзия. Что твой научный ум просто сочувствует объекту исследования. А когда новизна пройдёт, ты увидишь лишь чудовище. И уйдёшь. И я останусь с этим... с этим эхом твоего сочувствия, которое будет мучить меня хуже, чем любой голод.

Его признание обрушилось на меня всей своей тяжестью. Он не просто открылся. Он немного, но привязался. И боялся этой привязанности, как огня. И я... а что я чувствовала? Не сочувствие учёного. Что-то гораздо более личное, тёплое и опасное. Что-то, что заставило меня протянуть руку и коснуться его руки, лежащей на каменном парапете.

Он вздрогнул, как от ожога. Его кожа была холодной, как мрамор зимней статуи.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала я честно, глядя на наши руки — его бледную, мою живую, розовую от холода. — Но я знаю, что не хочу уходить. Не сейчас. Не когда я только начала... видеть тебя.

Он перевернул ладонь и сжал мои пальцы. Его хватка была осторожной, но в ней чувствовалась стальная сила. И потребность.

— Тогда оставайся, — прошептал он. — Останься на бал. Будь моими глазами среди них. Скажи мне потом... казался ли я им живым.

Это была просьба. Мольба существа, веками наблюдавшего за людьми со стороны, желавшего знать, удаётся ли мимикрия.

— Хорошо, — кивнула я. — Но мне понадобится платье. И.. инструктаж. Чтобы не сказать чего-то лишнего.

Уголки его губ дрогнули.

— Лакти уже занимается платьем. А инструктаж... — он притянул мою руку чуть ближе, и его лицо оказалось в сантиметрах от моего. Его дыхание было прохладным на моей коже. — Главное правило: никогда не оставайся со мной наедине при них. Ты — приглашённый исследователь, увлечённый архивами. Не более. Никаких намёков на... какую-либо близость. Это привлечёт ненужное внимание. Опасное внимание.

— От кого? — спросила я, замирая.

— От любопытных, — уклончиво ответил он, но его взгляд стал острым. — Мир полон охотников за сенсациями. А ты... теперь ходячая сенсация, Ирэн. Для тех, кто знает, как смотреть.

Он отпустил мою руку, словно вспомнив о чем-то.

— И ещё одно. Завтра... появится один старый... деловой партнёр. Лазар. Будь с ним особенно осторожна. Не оставайся с ним наедине. Не принимай от него напитков. И если он спросит о пещере, о твоих исследованиях... говори общие фразы. Он проницателен. Очень.

В его голосе прозвучала тревога, которой не было даже ко-

гда он рассказывал о солнце. Лазар. Имя звучало как предостережение.

— Он тоже... как ты? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Да. Но старше. И с другим... взглядом на наше существование. — Кaleb посмотрел на вид из большого окна зала. — Он считает людей стадом. Игрушками. И не поймёт, почему я тебе всё показал. Это сделает тебя в его глазах особенно интересной.

Страх, на мгновение отступивший, вернулся ледяной волной. Но рядом с ним возникло и новое чувство — решимость. Если он ввёл меня в свой мир, то я должна научиться в нём выживать. Не как жертва. Как... союзник.

— Я буду осторожна, — пообещала я.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость.

— Тогда иди отдыхать. Завтра будет... насыщенный день.

Я пошла к себе, ощущая на своей руке след его холодных пальцев. Шла по освещённому, празднично украшенному коридору, а в голове у меня звучали слова из его дневника, стоны прошлого, и накладывались на них образы будущего: бальный зал, толпа незнакомцев, и среди них — он, в своей безупречной маске. И я — единственная, кто знает, что под ней. Единственная, кто видел архитектора этой маски, его боль, его одиночество.

И где-то в тени этого будущего маячила новая угроза — имя Лазар. Охотник, для которого я могла стать новой, увле-

кательной дичью.

Я закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней. Сердце билось часто-часто. Но это был не страх. Это было возбуждение. Я стояла на пороге не просто нового года. Я стояла на пороге новой, немыслимой жизни. И несмотря на все опасности, я не хотела отступать. Потому что в центре этой новой жизни был он. Кaleb. Не легенда. Не монстр. А, возможно, нечто большее.

Глава 13.

КАЛЕБ

Бал. Вечное проклятие и необходимость. Ежегодная демонстрация того, что Калейб Вейн — живой, дышащий, светский человек. Но в этот раз всё иначе. В этом году среди сверкающих огней и пустого смеха будет она. Ирэн. С её знанием. С её взглядом, который видит сквозь маску.

Каждый её шаг по замку отзывается во мне слабым, но настойчивым эхом. Я чувствую её волнение, когда портниха приносит платье. Чувствую её любопытство, когда она изучает программу бала, которую я составил с убийственной скукой десятилетия назад. Она — живой нерв в моём омертвевшем теле. И это одновременно мучительно и прекрасно.

Но сегодня я не могу позволить себе роскошь чувствовать. Сегодня я должен быть стратегом. Письмо от Лазара лежало в потайном ящике моего стола, словно скорпион. Он приедет. Не из любопытства. Чтобы проверить слухи, проверить меня, дать оценку. Он всегда считал меня слабым, излишне сентиментальным. И появление Ирэн, этой юной учёной с её «поющей кровью», станет для него подтверждением догадок.

Мне нужно её защитить. Но как? Спрятать — значит разжечь его охотничий инстинкт. Выставить напоказ — подвергнуть плотоядному ядовитому вниманию. Остаётся толь-

ко контролировать ситуацию. Окружить её невидимым барьером из условностей и моих указаний.

Я вызвал к себе Лакти. Она вошла, её поза была выправлена годами дисциплины и знания.

— Всё готово, хозяин, — доложила она. — Повара приступили, цветы доставлены, оркестр подтвержден.

— Хорошо. Мисс Ирэн... её платье?

— Готово. Тёмно-изумрудный бархат, серебряная вышивка. Цвет, который вы указали. Оно... подчеркнёт её глаза. И контрастирует с рыжими волосами гостей, — добавила она с едва уловимой усмешкой. Лакти всегда понимала больше, чем говорила.

— Идеально. — Я подошёл к шкатулке на камине и открыл её. Внутри на чёрном бархате лежало ожерелье — старинная работа, серебряная нить с подвеской из тёмного, почти чёрного янтаря, в котором был заключён крошечный, идеально вписавшийся шиповник. — Отдайте это ей. Скажите, что это часть... образа исследователя. Артефакт из моей коллекции.

Лакти взяла шкатулку. Её взгляд стал острее.

— Янтарь... и серебро. Защита?

— Наблюдение, — поправил я. — Серебро не причинит вреда, если его носит человек. Но любой наш сородич... почувствует его. Он будет знать, что она под защитой. Или, по крайней мере, под наблюдением. А янтарь... он хранит тепло. Жизнь. Пусть это напоминает ей о солнце, которого она

лишилась, войдя в мою ночь.

Лакти кивнула, понимая.

— А если господин Лазар спросит об этом украшении?

— Скажете, что это моя прихоть. Что я люблю окружать себя красивыми, старинными вещами. — Я повернулся к окну. — И, Лакти... удвойте бдительность среди слуг. Если кто-то проявит нездоровый интерес к Мисс Ирэн, доложите немедленно. Особенно если вопросы будут о.. её крови, состоянии здоровья.

— Слушаюсь, хозяин.

Она вышла. Я остался один. За окном начинало смеркаться. Моя стихия приближалась, но в этот раз я ждал её не с обычной апатией, а с холодным, цепким страхом. Страхом не за себя. За неё.

Я закрыл глаза и позволил себе на мгновение почувствовать её. Тонкую нить связи, протянутую от моего сознания к её живому, пылающему очагу. Она была в своей комнате. Волновалась. Но под волнением — тлел уголёк твёрдой решимости. Она готовилась к битве, даже не зная истинных правил войны.

«Держись, Ирэн, — прошептал я в тишину кабинета. — Держись ради того света, что несёшь в себе. И, прошу, не дай моей тьме его поглотить».

ИРЭН

В моей комнате царило лёгкое безумие. На кровати ле-

жало платье. Не просто платье — произведение искусства. Глубокий изумрудный бархат, который на свету отливал тёмным малахитом. Корсет, расшитый серебряными нитями в виде замысловатых, похожих на руны, узоров. Длинные рукава, обтягивающие до локтя, потом расширяющиеся в мягкие волны. Оно было одновременно строгим и сказочно красивым.

— Цвет выбран хозяином лично, — сухо заметила госпожа Лакти, наблюдая, как я осторожно касаюсь ткани.

— Он сказал, что это цвет зимнего леса в сумерках. И что он должен подходить к вашим глазам.

Мои щёки вспыхнули. Он думал о цвете моих глаз, выбирая платье? Это было... слишком лично. Слишком внимательно.

В этот момент Лакти протянула мне небольшую шкатулку из тёмного дерева.

— И это. От хозяина. Для завершения образа.

Я открыла её. На чёрном бархате лежало ожерелье. Тонкая серебряная цепь и подвеска — тёмный, почти чёрный камень, внутри которого, будто в ледяной ловушке, застыла крошечная алая ягода шиповника. Это было потрясающе и.. странно знакомо. Я где-то видела этот символ.

— Что это? — спросила я.

— Старинное украшение из коллекции хозяина. Янтарь с включением. Он сказал, что это... талисман для путника в тёмном лесу. Чтобы помнил о жизни и свете.

Я взяла ожерелье. Серебро было прохладным. Янтарь — тёплым, как будто в нём и правда сохранилась капелька солнца. Когда я надела его, подвеска легла точно в ложбинку между ключицами, будто всегда там и была.

— Передайте ему... мою благодарность, — сказала я, поймав своё отражение в зеркале. С ожерельем образ приобрёл законченность и какую-то магическую глубину.

— Передам, — кивнула Лакти. — И ещё, Мисс. Хозяин просил передать: помните об его инструкциях. Особенно относительно господина Лазара. Он прибывает сегодня вечером, раньше других.

Имя прозвучало как похоронный звон. Всё моё волнение по поводу платья сменилось холодной собранностью.

— Кто он такой?

Лакти помолчала, выбирая слова.

— Деловой партнёр хозяина... с давних времён. Человек с большим влиянием и.. специфическим чувством юмора. Будьте с ним вежливы, но сдержанны. Не рассказывайте о своих исследованиях. И ни под каким предлогом не оставайтесь с ним наедине.

Она говорила это с такой откровенной серьёзностью, что по спине пробежали мурашки.

— Он опасен?

— Для тех, кто не знает правил игры, — уклончиво ответила Лакти. — А вы, простите, ещё не знаете.

Она ушла, оставив меня наедине с роскошным платьем,

таинственным ожерельем и растущим, как снежный ком, предчувствием беды.

Вечером, когда я уже облачилась в платье (оно сидело идеально, будто сшито по мне) и пыталась уложить волосы, услышала звук подъехавшего автомобиля из приоткрытого окна. Не обычной машины, а чего-то мощного, с низким рычащим двигателем. Я подошла к окну, осторожно отодвинув край тяжёлой портьеры.

Во двор въехал длинный, чёрный лимузин, похожий на лакированный гроб на колёсах. Из него вышел мужчина. Высокий, тощий, в безупречном чёрном пальто и шляпе. Даже на расстоянии чувствовалась его неестественная, хищная грация. Он что-то сказал шофёру, потом поднял голову и.. посмотрел прямо на моё окно. Я отпрянула вглубь комнаты, сердце бешено заколотилось. Он не мог меня видеть в темноте за стеклом. Но мне показалось, что он знал, что я там.

Это был Лазар. Определенно.

Я долго не могла прийти в себя. Когда наконец заставила себя выйти из комнаты, в замке уже чувствовалось его присутствие. Не запахом. Давлением в воздухе. Более тяжёлым, холодным и.. старым, чем то, что исходило от Калеба. Казалось, тени в коридорах стали гуще.

Я направилась в библиотеку — мою привычную крепость. Но по пути, проходя мимо закрытых дверей гостиной, услышала голоса. Низкий, скользкий, как шёлк по лезвию, голос, которого я никогда не слышала.

— ...милый Кaleb, всегда такой гостеприимный. И, как я слышал, на этот раз твоё уединение скрашивает... редкий цветок?

Голос Калеба в ответ был ледяным и безупречно вежливым:

— Мисс Матес — приглашённый исследователь, Лазар. Она работает с моими архивами.

— Ах, архивы! — в голосе Лазара прозвучала насмешка. — Конечно. И как... продвигаются её исследования? Нашла ли она что-нибудь интересное о нашей... общей истории?

Я замерла, прижавшись к стене. Он спрашивал обо мне. И тон был явно враждебным.

— Её интересы сугубо академические, — отрезал Кaleb. — И, полагаю, не касаются тебя.

— О, всё, что касается тебя, мой старый друг, касается и меня, — прошипел Лазар. — Особенно, если это может... нарушить твой хрупкий покой. Или пробудить в тебе забытые... амбиции.

Последовала тягостная пауза.

— Мои амбиции умерли давным-давно, — наконец сказал Кaleb, и в его голосе прозвучала усталость, граничащая с отвращением. — Оставь её в покое, Лазар.

— Но я ведь даже не видел эту диковинку! — голос Лазара стал сладким, ядовитым. — Ты прячешь её от меня? Ревнуешь? Как чудесно.

В этот момент я не выдержала. Не могла позволить ему

говорить обо мне в таком тоне. Собрав всю свою волю, я вошла в гостиную.

Два пары глаз устремились на меня. Калёб, стоявший у камина, выглядел напряжённым, как струна. А тот, другой... Лазар. Вблизи он был ещё более поразительным. Его лицо было красивым в странном, безжизненном смысле — резкие черты, бледная кожа, тёмные, почти чёрные глаза, в которых не отражался свет огня. На нём был идеальный смокинг. Он улыбался, и его улыбка была полной острых, белых зубов.

— А вот и она! — воскликнул он, и его взгляд скользнул по мне с головы до ног, медленный, оценивающий, как торговец скотом. — Очаровательна. Прямо как кукольная. Ты был прав, Калёб, цвет платья... восхитителен. И ожерелье! Какая... трогательная забота.

Его глаза на секунду задержались на янтарной подвеске, и в них мелькнуло что-то — раздражение? Любопытство?

— Мисс Матес, — сказал Калёб, его голос был ровным, но я чувствовала, как по нашей связи пробежала волна предостережения. — Позвольте представить вам господина Лазара. Старого... делового партнёра.

— Очень приятно, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Лазар взял мою руку и поднёс её к своим губам. Его прикосновение было холодным, как у Калёба, но в нём не было той сдерживаемой силы. Оно было... властным. Проникающим.

— Наслаждение моё, дорогая, — прошипел он. — Я слышал, вы копаетесь в самых тёмных уголках нашей истории. Надеюсь, вы найдёте то, что ищете. Или... то, что найдёт вас.

Он отпустил мою руку, и его пальцы слегка провели по моему запястью, по тому месту, где пульсировала вена. Я отдернула руку, не в силах скрыть содрогание.

Кaleb сделал шаг вперёд, встав между мной и Лазаром.

— Думаю, мисс Матес устала с дороги и хочет отдохнуть перед завтрашним днём, — сказал он, и в его тоне прозвучал недвусмысленный приказ.

— Конечно, конечно, — легко согласился Лазар, не сводя с меня глаз. — Спокойной ночи, дорогая. Уверен, мы ещё много поговорим... на балу.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и вышла из гостиной. Шла по коридору, чувствуя на спине его взгляд, колющий, как ледяная игла. В ушах звенела его фраза: «...то, что найдёт вас».

Он знал. Он чувствовал во мне что-то. И это что-то делало меня его мишенью.

Я вернулась в свою комнату, заперла дверь и прислонилась к ней, пытаясь унять дрожь. Ожерелье на шее внезапно показалось не украшением, а маячком. Или, может, ошейником, который отметил меня как собственность Калеба в глазах другого хищника.

Бал, который должен был быть испытанием его маски, внезапно превратился в нечто иное. В поле битвы. И я, даже

не зная правил, уже была в самом его центре.

Глава 14.

ИРЭН

Вечер бала был феерией притворства. Зал сиял тысячами свечей, огни отражались в хрустальных подвесках люстр и в глазах нарядных гостей. Музыка лилась плавным, бессмысленным потоком. Я стояла у колонны, сжимая в руке бокал шампанского, которое не пила, и наблюдала.

Кaleb был безупречен. Он мелькал среди гостей — светский, в меру остроумный, но немного отстранённый хозяин. Его улыбка была правильной, его смех — вовремя. Но я, единственная во всём зале, видела напряжение в уголках его глаз, неестественную плавность его движений, когда он обходил слишком близко стоящие канделябры. Он играл свою роль гениально. И от этого было невыносимо грустно.

Лазар был его противоположностью. Он не смешивался с толпой. Он стоял в тени арки, наблюдая, как паук в центре паутины. Его чёрный смокинг сливался с мраком, и только бледное лицо и сверкающие глаза отмечали его присутствие. Время от времени его взгляд находил меня. Он не улыбался. Просто смотрел. И в этом взгляде был холодный, аналитический голод. Не к крови. К разгадке. К тому, что я представляла собой в этой игре.

Он подошёл ко мне лишь однажды, в середине вечера, когда Кaleb был занят разговором с мэром Сибиу.

— Ну как, дорогая исследовательница, — прошипел он, появляясь как из воздуха у моего плеча, — нашли ли вы в архивах то, что искали? Рецепт бессмертия, может быть?

Я вздрогнула, но не отступила.

— Я ищу правду, господин Лазар. А правда редко бывает удобной.

— О, как верно! — он притворно восхитился. — Например, правда о нашем милом Калебе. Он такой... сдержанный. Таким и был всегда. Боится собственной тени. А вы? Вы не боитесь теней, мисс Матес?

Его пальцы, холодные и сухие, коснулись серебряной цепочки моего ожерелья. Я замерла.

— Я уважаю то, чего не понимаю, — сказала я, отводя его руку.

— Мудро. Очень мудро, — он усмехнулся. — Но понимание приходит с близостью. Очень... близким знакомством. Кaleb, я уверен, держит вас на почтительном расстоянии. Из-за своей старой... травмы. А я свободен от таких сантиментов.

Его слова были опаснее любого явного угрожающего жеста. В этот момент к нам подошёл Кaleb. Его лицо было каменной маской, но глаза пылали холодным огнём.

— Лазар, я думаю, графиня фон Хельфен ждёт тебя для обсуждения вин. Ты же знаешь, как она ценит твое... тонкое восприятие.

— Конечно, конечно, — Лазар отступил с театральным

поклоном. — До скорого, моя дорогая. Надеюсь, ваш танец с хозяином мероприятия будет... волнующим.

Он растворился в толпе. Калёб взял меня под локоть, его пальцы впились в мою кожу почти болезненно.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, наклоняясь.

— Да. Он просто... запугивает.

— Это больше, чем просто запугивание, Ирэн, — сквозь зубы проговорил Калёб. — Он проверяет границы. Мои. И твои. Больше не разговаривай с ним один на один.

Музыка сменилась на медленный, чувственный вальс. Калёб взглянул на меня, и в его глазах мелькнуло что-то помимо тревоги. Вызов? Желание?

— Танец, — сказал он. — Это безопасно. При всех. И это... отвлечёт его.

Я кивнула. Он повёл меня по паркету. Его рука легла на мою талию — твёрдо, уверенно, холодно даже через бархат платья. Другой взял мою руку. Мы закружились.

Сначала это было просто частью спектакля. Улыбки, правильные шаги. Но чем дольше мы танцевали, тем больше исчезал зал, гости, Лазар. Оставались только музыка, мерцающий свет и он. Его тело, движущееся с нечеловеческой, гибкой грацией. Его глаза, прикованные к моим. Его холод, пронизывающий ткань и кожу, вызывающий мурашки и странное, сладкое головокружение.

— Ты великолепна сегодня, — прошептал он так тихо, что я скорее прочитала по губам. — И ужасно храбра. Я видел,

как ты смотрела на него. Без страха. С отвращением.

— Он хочет меня заполучить, как очередной трофеей, не так ли? — так же тихо спросила я, делая вид, что улыбаюсь.

— Не тебя. То, что ты для меня представляешь. Надежду. Слабость. Он хочет это отнять. Или... испортить.

Он притянул меня чуть ближе, чем допускали приличия. Наши тела едва не соприкоснулись. От него пахло морозом, старым деревом и чем-то электрическим, притягательным.

— А что я еще для тебя представляю, Кaleb? — рискнула я спросить, глядя прямо в его глаза.

Он замер на мгновение, сбившись с ритма, потом снова повёл меня.

— Ты представляешь... дверь, — выдохнул он. — Дверь в комнату, которую я запер столетия назад. И я не знаю, что там — свет или пустота. Но хочу её открыть. Больше всего на свете. И боюсь. Больше всего на свете...

Его признание обожгло. Музыка замедлялась, подходя к концу. Он притянул меня в последнем, медленном вращении, и его губы оказались в сантиметре от моего уха.

— После бала. Когда все уснут. Приходи в библиотеку. Пожалуйста.

Он отпустил меня, как только смолкли последние ноты. Аплодисменты. Улыбки. Я вернулась на своё место, чувствуя, как дрожат колени, а сердце бьётся где-то в горле. Его приглашение было не просьбой. Это было испытанием. Для нас обоих.

Остаток вечера прошёл в тумане. Я ловила на себе взгляд Лазара — заинтересованный, оценивающий. Он видел наш танец. Он что-то понял. Я чувствовала это внутри, костями, испытывая ноющую ломоту.

Бал закончился под утро. Гости, уставшие и довольные, разъезжались. Лазар подошёл прощаться. Он пожал руку Калебу, потом повернулся ко мне.

— Незабываемый вечер, дорогая, — сказал он, целуя мою руку. На этот раз его губы задержались на коже дольше, чем нужно. — И такое... насыщенное подтекстами общение. Я уверен, мы продолжим его при более... интимных обстоятельствах.

Он ушёл. Холодок от его прикосновения остался на моей коже. Я встретила взглядом с Калемом. В его глазах была буря. Гнев. Страх. И решимость.

Глава 15.

ИРЭН

Я ждала, пока в замке воцарится тишина. Слуги разошлись. Огни в коридорах приглушили. Сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно за стенами. Я накинула поверх ночной рубашки тёмный шелковый халат — подарок Лакти, «чтобы не мёрзнуть по ночам» — и босиком выскользнула из комнаты.

Каменные полы были ледяными. Я бесшумно спустилась в библиотеку. Дверь была приоткрыта. Внутри горел лишь один камин и одна свеча на столе. Он стоял у окна, спиной ко мне, вглядываясь в ночь. На нём был тёмный халат, и в полумраке он казался частью тьмы.

— Я боялся, что ты не придёшь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я боялась прийти, — призналась я, останавливаясь на пороге.

Он повернулся. Свет огня играл на его резких чертах, делая их то мягче, то жёстче. Он был прекрасен в этой игре света и тени. Нечеловечески, пугающе прекрасен.

— Лазар уехал. Но он вернётся. Он не оставит это просто так, я уверен.

— Что «это»? — спросила я, делая шаг внутрь. Дверь тихо закрылась за мной.

— Нас. То, что происходит между нами. Он почуял это. Как животное чует кровь. — Кaleb подошёл ближе. Его движения были медленными, преднамеренными. — Он считает, что я совершаю ошибку. Что становлюсь уязвимым. И в каком-то смысле он прав.

Он остановился в двух шагах от меня. Я чувствовала его холод, его напряжение, его желание... и свой собственный ответный трепет. Страх смешивался с влечением в один коктейль, от которого кружилась голова.

— Почему я здесь, Кaleb? — прошептала я. — Не как исследователь. Как женщина. Почему ты позвал меня?

Он закрыл глаза, будто мучаясь.

— Потому что я не могу больше притворяться. Потому что, когда танцевал с тобой, я хотел не убеждать гостей в своей человечности. Я хотел чувствовать твоё тепло. Слышать твоё дыхание. — Он открыл глаза, и в них пылала такая тоска, что у меня перехватило дух. — Потому что умираю от желания прикоснуться к тебе не как актёр к статисту. И я знаю, что это опасно. Для тебя. Для меня. Но я... не в силах остановиться.

Он протянул руку, но не коснулся меня. Его пальцы замерли в сантиметре от моей щеки.

— Скажи, чтобы остановился, Ирэн. Скажи «нет». И я уйду. И буду охранять твой сон до рассвета, как страж. Но если скажешь «да» ... — его голос сорвался, — ...я не знаю, что будет. Не знаю, куда это заведёт. Лишь знаю, что хочу.

Больше, чем хотел чего-либо за последние триста лет.

Я смотрела на его руку, на лицо, искажённое борьбой. Я думала об его дневнике. О том одиночестве. О том, как он смотрел на меня в пещере, не как на добычу, а как на спасение. И о том, как моё собственное тело откликалось на его близость — не страхом, а жарким, трепещущим ожиданием.

Я не сказала «да», взяла его руку и прижала ладонью к своей щеке. Холод был шоком, но за ним пошла волна тепла — от моего прикосновения, от моего решения. Я услышала его резкий вдох.

— Я не знаю, что мы делаем, — прошептала я, глядя ему в глаза. — И мне страшно. Но не хочу, чтобы ты останавливался.

Это было всё, что ему было нужно. С тихим, похожим на стон звуком он наклонился и прижался губами к моей ладони, которую всё ещё держал. Его поцелуй был ледяным и пылающим одновременно. Потом его губы нашли мои.

Первый поцелуй был осторожным, почти вопросительным. Холодные, твёрдые губы на моих мягких, тёплых. Потом что-то в нём сорвалось с цепи. Его руки обвили меня, прижали к себе с силой, которой невозможно было сопротивляться, а я и не хотела. Его поцелуй углубился, стал требовательным, жадным. Я ответила ему с той же яростью, вцепившись пальцами в ткань его халата, притягивая ближе.

Он оторвался, его дыхание было прерывистым, хотя ему и не нужно было дышать, это все десятилетия тренировки

и запоминания мышц. Его глаза метались по моему лицу, останавливаясь на губах, на шее.

— Боже, Ирэн... твой вкус... — он прошептал, и голос был хриплым от голода и чего-то ещё — благоговения. — Ты пахнешь жизнью... и согласием. Это сводит с ума.

Он снова поцеловал меня, и на этот раз его руки скользнули под мой халат, коснулись тонкого шелка ночной рубашки. Его пальцы были холодными, но везде, где он касался, возникало пламя. Он обнял меня за талию, приподнял и посадил на край массивного дубового стола, отодвинув книги и бумаги. Я сидела, а он стоял между моих ног, его тело, прижатое к моему, его холод проникал сквозь ткани, заставляя меня дрожать — но не от страха.

— Я хочу тебя, — прошептал он прямо мне в губы, и в словах была вековая, сдерживаемая потребность. — Всю. Каждую частичку твоего тепла. Каждую каплю твоей жизни. Но боюсь... боюсь причинить боль. Боюсь напугать. Это мучает меня.

Я откинула голову, обнажая шею, в древнем, инстинктивном жесте, который заставил его глухо застонать.

— Ты не напугаешь меня, — выдохнула я. — Я знаю, кто ты. И я здесь. Добровольно. Пожалуйста...

Это было разрешением. И вызовом. Он опустил голову, и его губы коснулись моей шеи, чуть ниже уха. Холодок, потом острый, сладкий укол. Не боль. Взрыв ощущений. Волна тепла, разливающаяся от точки укуса по всему телу, сводя-

щая сознание на нет. Я вскрикнула, не от боли, а от шока, от невероятной, запретной близости. Я чувствовала, как он пьёт, медленно, почти благоговейно, и это чувство было самым эротичным, самым пугающим и самым правильным из всего, что я испытывала в жизни.

Он оторвался, его губы были окрашены моей кровью. В его глазах бушевала буря — голод, наслаждение, ужас, любовь.

— Достаточно, — прошептал он хрипло. — Иначе рассудок может затуманиться, и не смогу остановиться.

Он прижался лбом к моему плечу, дрожа. Я обнимала его, гладила по тёмным волосам, чувствуя, как моя жизнь, моя сила перетекает в него, и в этом не было отчаяния. Была полнота. Было соединение.

— А теперь, — сказал он, поднимая голову, и в его глазах было новое решение, — твоя очередь. Но не так. Не через кровь.

Он поднял свою руку ко рту, повернул ладонью вверх и провёл острым клыком по запястью. Выступила тёмная, почти чёрная капля.

— Выпей, — приказал он мягко. — Чтобы связь была полной. Чтобы ты знала меня так же, как я теперь знаю тебя.

Я не колебалась. Склонилась и губами коснулась его запястья. Вкус был странным — металлическим, холодным, с горьковатым оттенком вечности. Но по мере того, как капля касалась языка, я почувствовала не отвращение, а.. эхо. Эхо

его воспоминаний, его силы, его тоски. Это не делало меня вампиром. Это делало меня... связанной. Неразрывно.

Когда оторвалась, мир вокруг изменился. Я видела его не просто глазами. Я чувствовала его присутствие, как второе сердцебиение в груди. Видела слабую ауру холодного света вокруг него. И видела в его глазах отражение собственного изумления.

— Что... что теперь? — прошептала я.

— Теперь, — он мягко снял меня со стола и прижал к себе, — теперь ты часть моей ночи. А я.. часть твоего дня. Мы связаны. Навсегда. И завтра начнётся настоящая битва. Потому что Лазар не отступит. И потому, что мир не примет нас. Но сейчас... сейчас только ты и я.

Он поднял меня на руки, как перышко, и понёс из библиотеки, не к моей комнате, а вглубь замка, в его частные покои, куда не ступала нога постороннего гостя. В комнату, где не было окон, только мягкий свет ламп и огромная кровать, застланная чёрным шёлком.

Положил меня на постель, которая была холодной, как его кожа, и последовал за мной. И в ту ночь, в самом сердце зимы и древней тьмы, я узнала, что холод может обжигать, а вечность может уместиться в одном прикосновении, одном вздохе, одном шёпоте моего имени на его устах.

Мы были не человеком и монстром. Мы были двумя половинками одной древней, разорванной истины. И наша страсть была не просто плотским актом. Это был ритуал.

Обет. Начало войны. И начало чего-то бесконечно большего.

Глава 16.

ИРЭН

Я проснулась от ощущения, что сплю на льдине. Открыла глаза. Чёрный шёлк подо мной, тяжёлые тёмные балдахины над головой. Я была в его постели. В его комнате без окон, где время определялось только тиканьем старинных часов на камине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.